

ТАЙНЫ

ПРОШЛОГО

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ
ПЕТЕРБУРГСКОГО ИСТОРИКА

АНДРЕЙ ЕПАТКО

*От Петра I
до наших дней*

Андрей Епатко

**Тайны прошлого. Занимательные
очерки петербургского историка.
От Петра I до наших дней**

«Центрполиграф»

2013

Епатко А. Ю.

Тайны прошлого. Занимательные очерки петербургского историка. От Петра I до наших дней / А. Ю. Епатко — «Центрполиграф», 2013

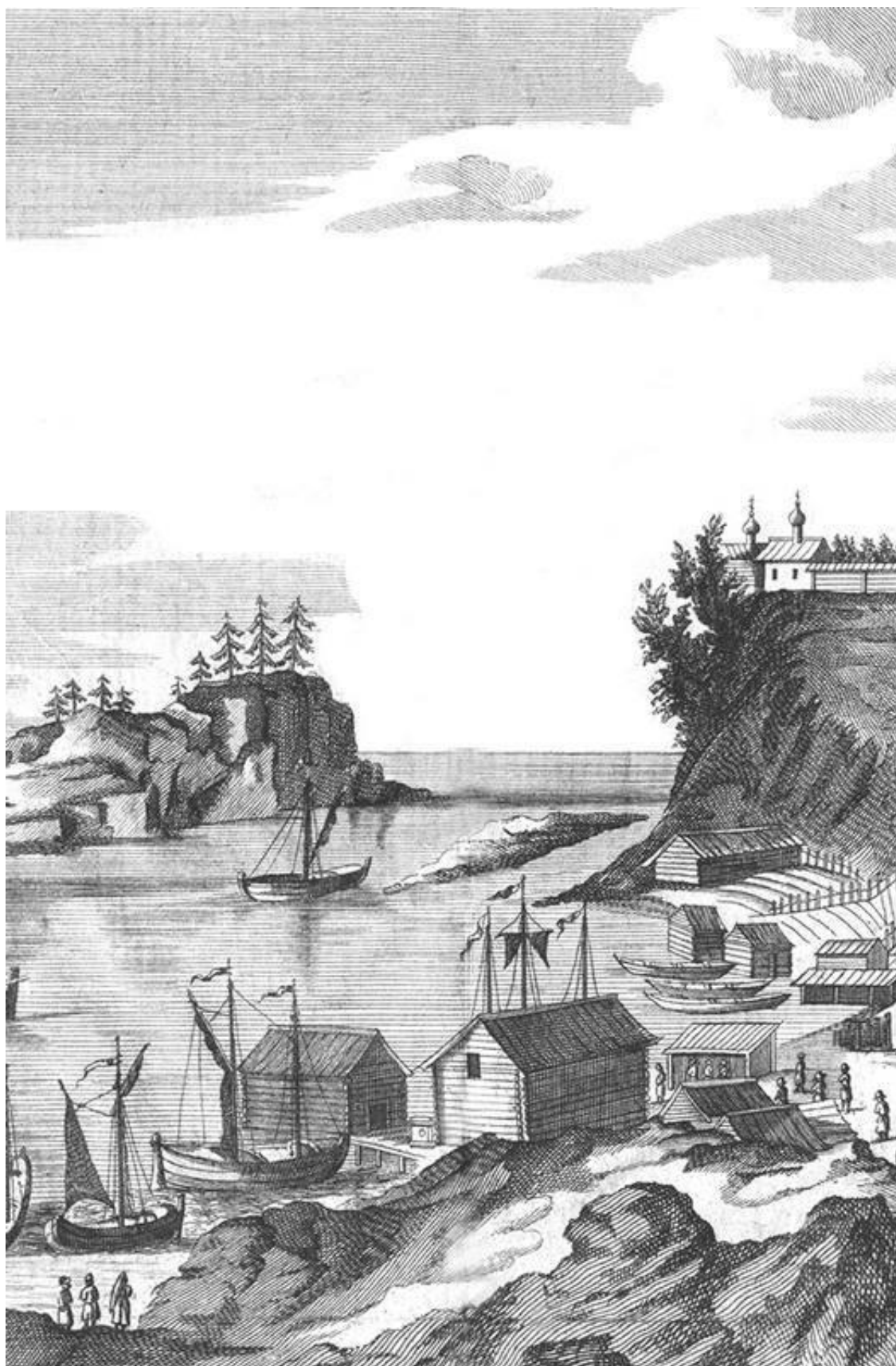
Книга петербургского историка А.Ю. Епатко не совсем обычна. Она представляет собой сборник очерков, частично опубликованных автором за последние двадцать лет и впервые изданных в одном томе. Что удивляет в этой книге – ее географические рамки и новизна тем. Читатель побывает вместе с Адамом Олеарием на Гогланде, узнает о несостоявшейся дуэли Петра I, отправится в ссылку вместе с князем Меншиковым в Березов и даже увидит Москву 1812 года глазами француза-завоевателя, а в будущем великого писателя Стендаля. Автор приглашает читателей и на Камчатку, где в конце XVIII века побывала экспедиция Дж. Кука, и расскажет о загадке тихоокеанского острова Ваникоро – в 1788 году там потерпела крушение и погибла экспедиция Лаперуза. Позднее французские аквалангисты найдут среди обломков кораблей монеты с профилями российских монархов XVIII века. Во второй части книги автор рассказывает о реконструкции копии петровского фрегата «Штандарт» и о своих путешествиях по Ладоге, которые он осуществил на гребной лодке, пытаясь пройти по пути основателей Коневского и Валаамского монастырей. Книга богато иллюстрирована: в нее вошло более трехсот гравюр и рисунков, многие из которых никогда еще не публиковались в российских изданиях.

© Епатко А. Ю., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Предисловие	6
Часть I	10
От Адама Олеария до императора Павла I	11
Глава 1	11
Пограничный остров	11
Никто не хотел плыть в Московию	11
Неистовая буря	12
Земля на востоке	14
Глава 2	17
Навстречу русскому флагу	17
Нарвская катастрофа	22
Призрак церкви Нигулисте	25
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	39
Бояре и князья вместо шутов	39
«Поведение во хмелю»	42
Последний бой со шведами	43
Глава 6	43
Глава 7	49
Шведы боялись наводнений	49
Земля в Москве подешевела	52
Странный гость из первопрестольной	52
Глава 8	54
Багдад у Финского залива	54
По парижской моде	58
Глава 9	60
На «Дамской» площадке	60
Дивные морские звери	63
С оказией из монастыря	65
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Андрей Юрьевич Епатко

Тайны прошлого. Занимательные очерки петербургского историка. От Петра I до наших дней

Предисловие

Признаться, я весьма удивился, узнав, что издательство «Центрполиграф» предложило мне издать мои статьи в виде книги. И дело не в том, что некоторые из материалов были уже знакомы читателям; они выходили в свое время в «Санкт-Петербургских ведомостях» в рубрике «Наследие». Меня больше всего волновала разноплановость тем – как по временным рамкам, так и по географии. Я с трудом представлял себе, как можно разместить между двумя обложками одного тома статью о пожаре Москвы 1812 года и рассказ о гибели флотилии Лаперуза на Соломоновых островах... Или как будет смотреться заметка о шуточной эпитафии Екатерины II рядом с рассказом о пребывании экспедиции капитана Кука на Камчатке?

Пока я размышлял над этим, открыл для себя старую как мир истину: все в мире взаимосвязано. В том числе и сюжеты моих исследований...

Подумать только! Наполеон, бежавший из горящей Москвы, когда-то был исключен из числа участников экспедиции Лаперуза. А благодаря стоянке Дж. Кука в Петропавловске Екатерина II получила в дар от англичан так называемую «Куковскую» коллекцию, состоящую из этнографических предметов, собранных на островах Океании. Да и жестокий шторм, бушевавший в Финском заливе во время плавания там корабля Олеария, едва не загнал посольское судно в устье Невы – в те места, где сорок лет спустя вырастет Петербург. В итоге мы получили первое свидетельство об острове Гогланд – ныне самой западной точке Ленинградской области.

Словом, я надеюсь, что читатель не «заблудится» в географии курьезных (и не очень) рассказов, представленных в книге; к тому же большинство ее героев так или иначе связаны с Петербургом.

Что касается моих собственных путешествий, они связаны с Ладогой и ее «жемчужинами» – Валаамским и Коневским монастырями. Под парусом и на веслах я стремился добраться до этих мест, следуя по пути ладожских святых – основателей островных обитателей. Две попытки повторить маршрут преподобных закончились удачно, а последнее путешествие, связанное с поиском загадочного следа на Дедовом острове, обернулось неприятностями: мне пришлось провести небольшую «робинзонаду» на камнях посреди штормового озера... Обо всем этом читатель узнает из третьей части книги, которая в целом является итогом моих двадцатилетних изысканий.

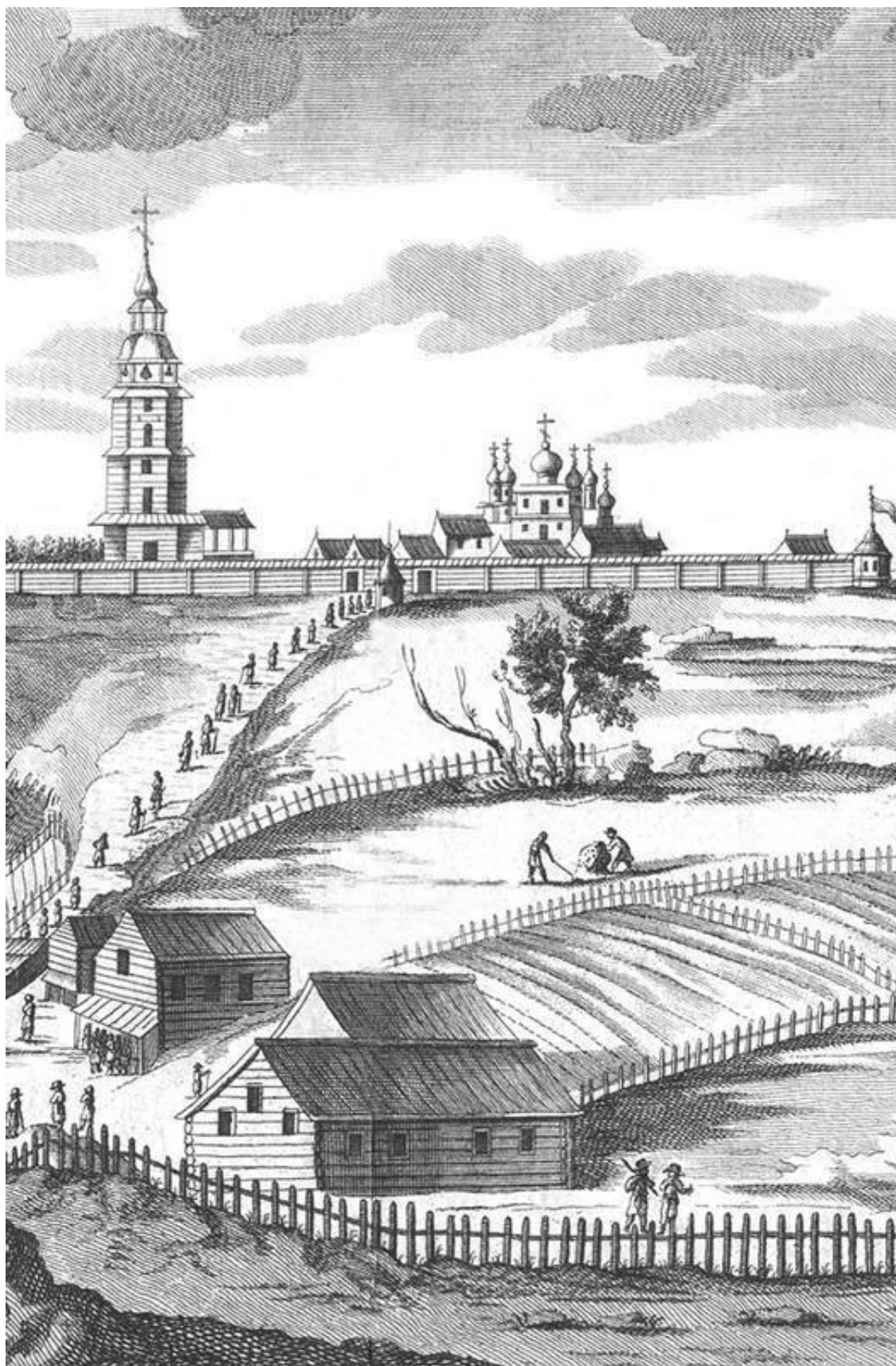
Ловлю себя на мысли, что слово «итог» не совсем обнадеживающее. «А будут ли еще путешествия?» – спрашивают меня иногда. Хотелось бы верить. Правда, годы идут, и уже тяжелее собирать рюкзак, выяснять расписание поездов, прикидывать маршрут, проверять лодку, с кем-то договариваться...

Но, с другой стороны, Ладога «не отпускает». Особенно это чувствуется в апреле, когда сходит последний снег и город наполняется пленительным запахом земли. И поплывут в памяти ладожские закаты, а солнечный диск снова погрузится в озерную даль, оставляя на водной глади золотое марево. И я опять – словно наяву – слышу треск сучьев в огненных вполыхах костра. Да вот и сам костер!.. Подкидываю дровишки и ныряю в уютную палатку: пора запрашивать «большую землю» о прогнозе на завтра. Пока телефон молчит, рассматриваю

помятую карту – до Валаама еще 20 километров и четыре острова по пути... Слабый сигнал – и на экране мобильного телефона высвечиваются наши «перспективы»: «Утро: юго-западный ветер, 2 метра в секунду. Волна около метра. Днем облачно, дождь. Усиление ветра до 4-х метров. Вечером возможна гроза...» Да уж, не Майями...

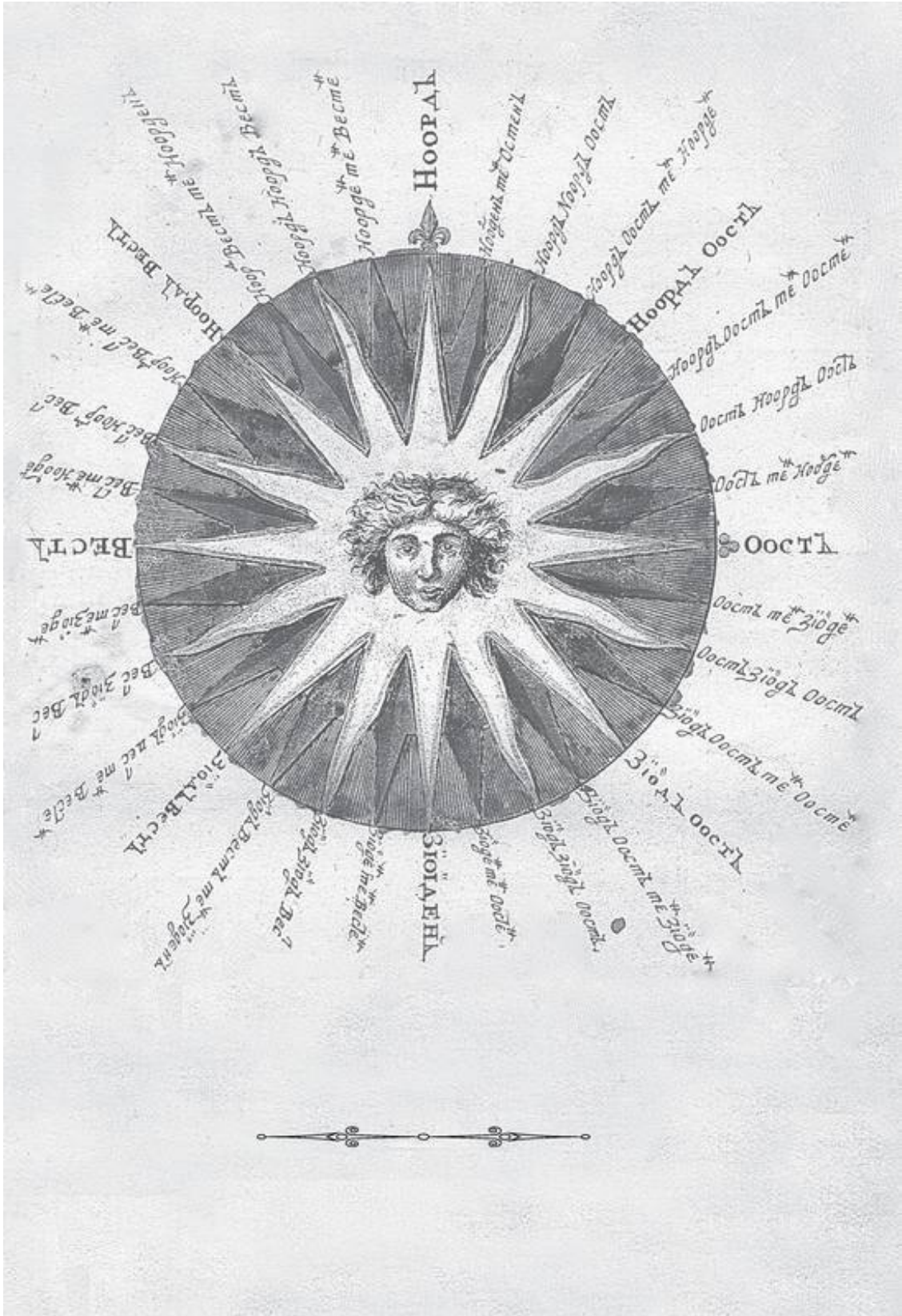
Вылезешь из палатки и вскинешь на озеро стекла бинокля: Ладога еще не спит, «дышит». Где-то на краешке горизонта, словно повисший в воздухе, одиноко чернеет силуэт сухогруза. Он нереален, как и эта наползающая на берег карельская ночь... Подхожу к самой воде; под ногами грохочет галька, с озера тянет прохладным бризом. Снова вскидываю бинокль: озеро спит. Все! Завтра уходим...

Автор

Часть I ПАЛИТРУ ПРОШЛОГО ЧИТАЯ

От Адама Олеария до императора Павла I

Глава 1 Адам Олеарий на Гогланде

Остров Гогланд, лежащий в центральной акватории Финского залива, – самая западная точка Ленинградской области. Отсюда до Эстонии – рукой подать, а Финляндию хорошо видно и без бинокля.

Пограничный остров

Гогланд издали похож на гигантского кита, спящего на глади залива. Поросшие густым лесом скалы Гогланда поднимаются на высоту 176 метров над уровнем моря. Hochland – «высокая земля» – именно так переводится название острова с немецкого языка. В силу своего географического положения Гогланд всегда являлся пограничным островом; здесь до сих пор сохранились руины финских казарм, заброшенные зенитные позиции, финское кладбище. В советское время Гогланд был форпостом России на границе с Финляндией: на острове располагалась часть ПВО, «прославившаяся» тем, что в 1987 году пропустила самолет Руста, севший на Красной площади.

Но самую известную и одновременно мрачную славу Гогланд стяжал как «остров погибших кораблей». «Крушения купеческих судов у этого острова совершаются во множестве почти каждое лето, – сообщал один из моряков XIX века, прибавляя к этому любопытные подробности: – У каждого из жителей [Гогланда], для которых эти крушения составляют род выгодного промысла, можно найти трапы, люки, обломки стенок и другие корабельные вещи; кормами кораблей они украшают входы в церковь и дома».

Да, много судов нашло свой конец на скалах этого коварного острова, но наиболее примечательное кораблекрушение было связано с именем знаменитого немецкого ученого и путешественника XVII века, участника двух посольств в Россию – Адама Олеария. В моем рассказе речь пойдет именно о втором посольстве, направленном в Россию в 1635 году голштинским герцогом Фридрихом III.

Никто не хотел плыть в Московию

Помимо торговых целей Фридрих, как человек любознательный, хотел собрать подробные сведения о Московии, стране еще малоизвестной в Европе; для этой цели он искал ученого, который мог бы отправиться при посольстве в качестве «описателя». На эту должность герцогу рекомендовали выпускника Лейпцигского университета Адама Олеария. Если в первом посольстве Адам занимал скромную должность секретаря, то уже во втором, более торжественном и обширном, участвовал в качестве советника посольства. Последнее посольство было более торжественным и обширным: в свите находилось свыше 90 человек, среди которых помимо важных особ были переводчики, трубачи, портные, музыканты, телохранители и даже надзиратели за серебряной посудой.

Посольство отправилось в путь из немецкого порта Любек в октябре 1635 года. Октябрь – не самое благоприятное время для плавания по Балтике, но корабль и его команда тоже оставляли желать лучшего. Едва ступив на палубу, Адам сразу почувствовал недоброе: команда не умела работать с парусами и держать курс судна. «Тут мы сразу увидели, – писал он, –

что большая часть наших моряков были юны в искусстве мореплавания, как и наш корабль, который плыл с нами в море».

С большими трудностями достигнув шведского города Кальмар, путешественники стали совещаться по поводу будущего маршрута. Было высказано мнение, что не стоит искушать судьбу, а следует ехать в Россию «сухим путем». Однако все же решили продолжать путешествие морем. Попытка нанять более опытного капитана успехом не увенчалась: никто из местных шкиперов не соглашался плыть в это время года в Московию.

Неистовая буря

«3-го числа с Божией помощью мы распустили паруса, – пишет Олеарий, – и отправились в путь, миновав большую круглую скалу, называемую Шведская Дева». Так была начата самая опасная часть этого путешествия...

Корабль держал курс на Ревель, откуда послы намеревались по суше добраться до Москвы. Но едва судно вошло в пределы Финского залива, как появились признаки надвигающегося шторма.

В этой ситуации капитан заявил, что опасается подходить к ливонскому берегу из-за опасности разбиться о камни, и счел за лучшее переждать бурю в открытом море. «Вечером поднялся страшный бурный ветер, – продолжает Олеарий, – и прежде чем мы успели принять все меры предосторожности, он с ужасным треском сломил большую мачту, которая упала за борт». Вместе с мачтой судно лишилось нескольких кают: их сорвало и унесло в море.

Адам Олеарий. Немецкая гравюра 1656 г.

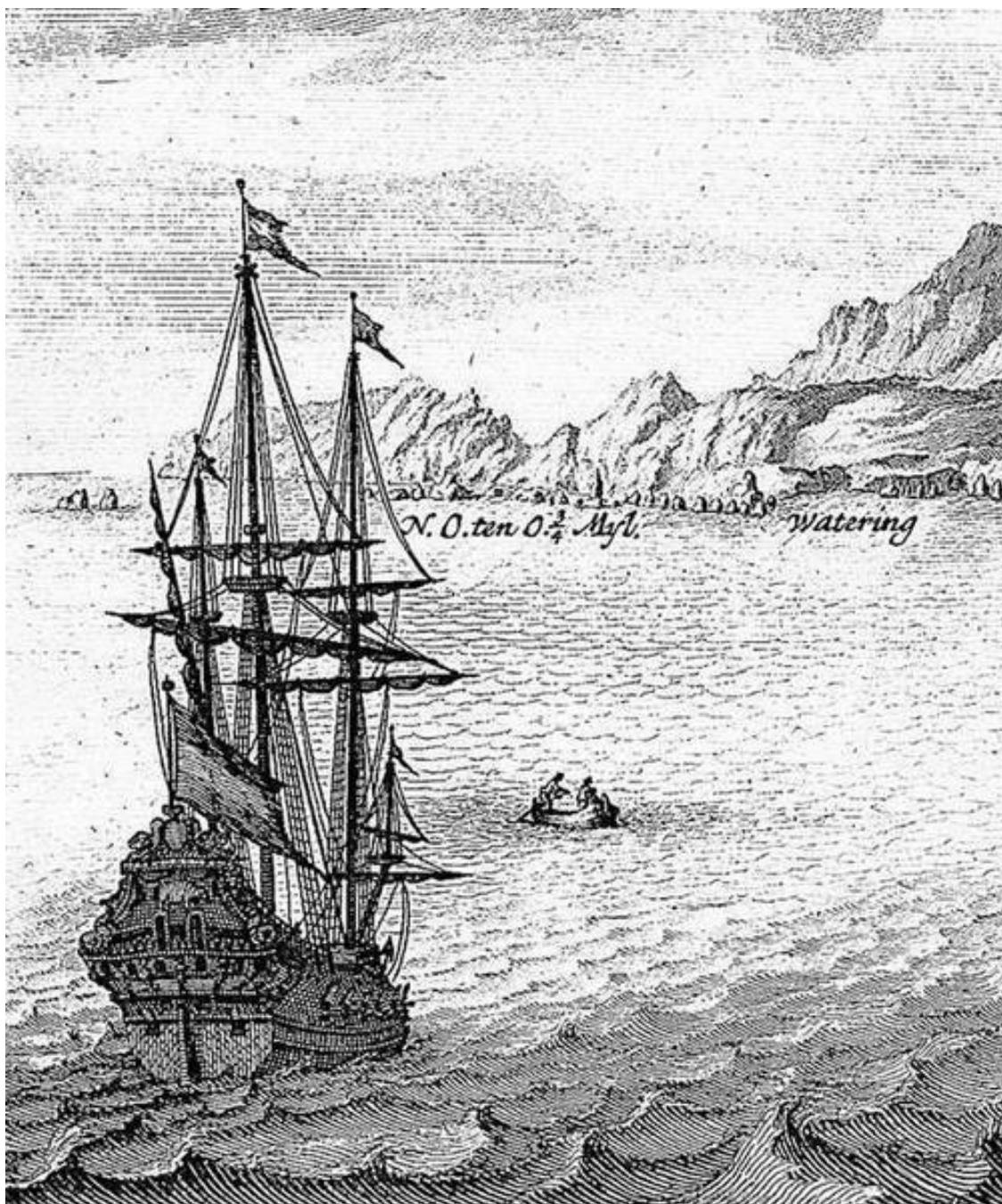
Как чудо расценил Олеарий тот факт, что, несмотря на все разрушения на палубе, компас уцелел. Хотя теперь он имел мало значения для кормчего: ветер нес фактически разбитое и неуправляемое судно все дальше на восток. «Корабль все более и более метало из стороны в сторону, – вспоминает хронист ту страшную ночь, – мы кружились, шатались, будто пьяные, и катались друг через друга...» Сломанная мачта, висевшая на снастях, подобно щупальцам гигантского спрута, билась о корабль, нанося ему все большие повреждения.

Команда надеялась, что к утру шторм утихнет, а судно принесет к ревельскому берегу. Но эти надежды быстро рассеялись. Едва рассвело, капитан признал, что они давно миновали Ревель... Пока послы всматривались в горизонт, с юга-запада пришла очередная буря, которая по своей силе превосходила предыдущую. Олеарий отмечал, что некоторые члены экипажа, ранее плававшие в «Восточных и Западных Индийских морях» и не раз попадавшие в страшные шторма, «божились, что никогда не бывали в такой опасности и не видели таких неистовых бурь».

Тем временем судно уже дрейфовало в центре Финского залива, неумолимо приближаясь к западному побережью Гогланда...

Земля на востоке

Видя, что корабль скоро не выдержит такого шторма, было решено править к финским шхерам, где капитан надеялся укрыть судно за островами. В случае крушения у людей все же были шансы спастись на скалах. Олеарий свидетельствует, что, ожидая такой разворот событий, весь экипаж собрал свои пожитки около себя. При этом один из послов открыл дорожный ларец и объявил, что при крушении судна каждый может брать для себя деньги и драгоценные вещи.

Парусник. Голландская гравюра конца XVII в.

О. Гогланд. Фото автора. 2005 г.

«Тогда главному боцману Юргену Стефансону пришла в голову мысль, – пишет Олеарий, – что посреди Финского моря впереди нас лежит остров Гогланд, в котором прежде он был и в котором находилась хорошая пристань». Решено было искать спасение на Гогланде... «В то же время постигла нас страшная минута, – сообщает хронист, – огромный морской вал налетел на корабль через каюты и, разбившись, покрыл собой весь корабль. От сотрясения мы попадали друг через друга и окончательно считали себя погибшими. Вода стремительно набиралась через разрушенные каюты...» В эти критические минуты с высоты фок-мачты раздался голос боцмана: «Слава богу, я вижу Гогланд!»

В 7 часов вечера полузатопленный корабль голштинского герцога стал на якорь в гавани Гогланда.

Весь следующий день команда занималась починкой корабля: впереди лежал путь в Ревель. Однако попытка отойти от острова закончилась плачевно – мощные валы бросили корабль на каменистый берег и окончательно разбили его. Спасая посольскую шкатулку с драгоценностями, Олеарий едва не утонул. Если бы не корабельный врач, вытащивший Адама на берег за полы его кафтана, знаменитое «Путешествие в Московию» так и не было бы написано...

Промокших и пребывающих в шоке послов, которые более походили на оборванных бродяг, приютили на Гогланде эстонские рыбаки, промышлявшие здесь до зимы. Олеарий пишет, что именно эти простые люди спасли им жизнь, так как ночи уже были холодные, а вся команда оставалась в мокрых платьях. За время, проведенное на острове, Адам составил первое в истории описание острова Гогланд, указав его размеры и минералогическое происхождение.

Только через неделю «робинзоны» поневоле смогли наконец добраться на рыбачьих ботах до Ревеля. Так закончилась 22-дневная одиссея Олеария по Балтике и Финскому заливу. Впоследствии Адам еще дважды посещал Россию: с третьим посольством герцога и в последний раз – с какой-то личной миссией. Его книга «Путешествие в Московию», вышедшая в 1647 году в Германии, стала бестселлером во всей Европе, навеки прославив имя Адама Олеария. Книга обширна. Она охватывает много стран, событий, имен. Но самые драматические страницы в ней относятся именно к нашему региону, где описаны скитания посольства по «Финскому морю» и кораблекрушение у Гогланда.

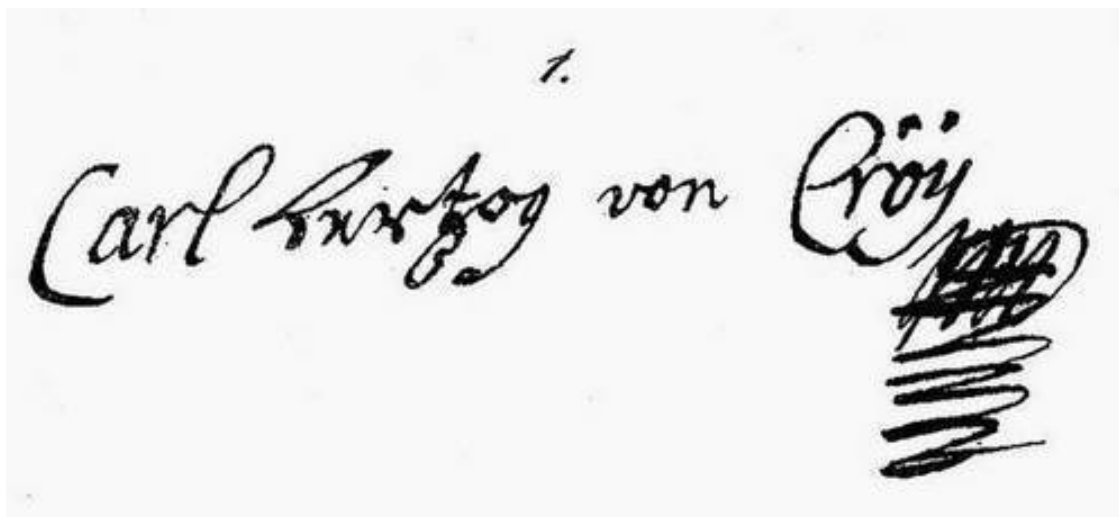
Глава 2

«Посмертные похождения» герцога де Кроа

Сподвижники Петра I... «Птенцы гнезда Петрова»... При этих словах всплывают в памяти всем известные имена Менишикова, Голицина, Шереметева. До нас дошли их портреты, высказывания, о них сложены легенды и написаны книги... Но что мы знаем о судьбе герцога де Кроа, верой и правдой служившего Петру I и попавшего в плен к шведам? История его жизни похожа на приключенческий роман: скитания по Европе, служба в России, участие в Северной войне, пленение... Однако, как ни странно, более всего герцог прославился своими «посмертными похождениями», которые продолжались ни много, ни мало – почти 200 лет.

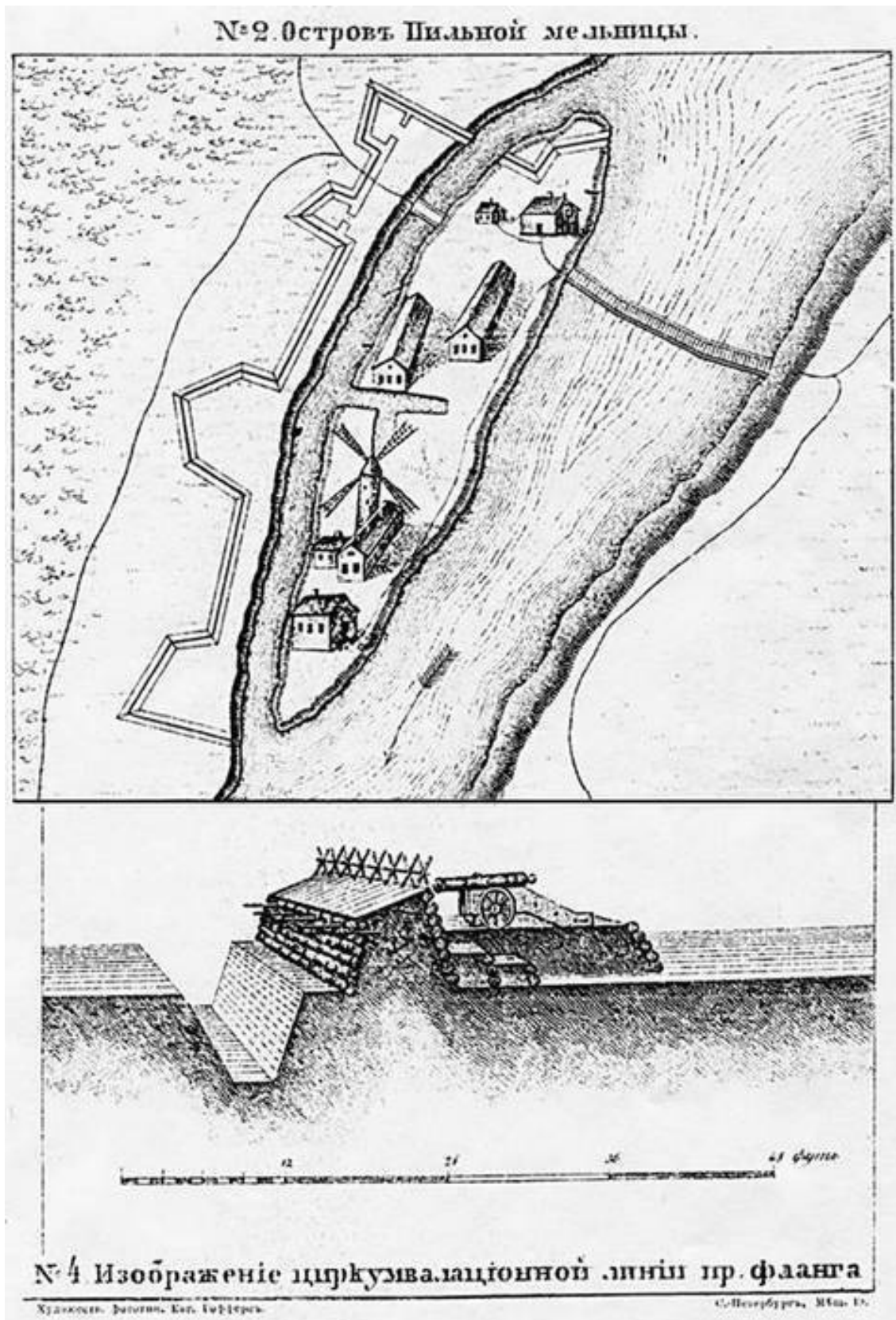
Навстречу русскому флагу

В первой половине XIX века в церкви Св. Николая (Нигулисте) в Ревеле (ныне – Таллинн) был выставлен удивительный экспонат. В одной из часовен на катафалке стоял гроб со стеклянной крышкой, а в нем – мумия, одетая в черный бархатный камзол с белоснежными кружевами, ноги в чулках, на руках – перчатки, на голове завитой парик.

Подпись герцога де Кроа. 1700 г.

Церковный сторож, который получал немалые доходы от показа мумии, трогательно заботился о ее сохранении: когда мумию стали одолевать мыши, он завел в церкви кошку. А однажды в дождливый и сумрачный осенний вечер органист играл хоралы и вдруг услышал шаркающие шаги. Из темноты в свете качающегося фонаря появилась мумия. Охваченный ужасом органист все же заметил, что мумия движется не сама, а ее несут. Оказалось, что крыша в церкви промокла, и простодушный сторож решил просушить мертвеца у печи...

Русские укрепления под Нарвой. Рисунки генерала Алларта, плененного вместе с де Кроа под Нарвой. Возможно, рисунки выполнены Аллартом в шведском плену. Начало XVIII в.

Чья же это была мумия и как она оказалась в Эстонии, тогдашней Эстляндии?..

Прежде чем попасть на службу к русскому царю, герцог Карл Евгений де Кроа принял участие, кажется, во всех тогдашних европейских баталиях. Французский подданный, в чьих жилах текла кровь венгерских королей, начал свою военную карьеру в Дании, где сражался против шведов. Затем он был произведен в генерал-лейтенанты и назначен комендантом крепости Хельсингберг (шекспировский Эльсинор, где в свое время жил Гамлет). Через несколько лет герцог перешел на службу к австрийскому императору Леопольду I и отличился в сражении при Гране. В 1686 году Кроа участвовал во взятии австрийцами Офена, где его ранили. Через шесть лет содействовал принцу Людовику Баденскому, разбив турок при Саланкемене, где был снова ранен. В 1693 году во главе австрийской армии осадил Белград, но ему пришлось отступить со значительными потерями. В Вене Кроа встретили довольно холодно, им были недовольны и за отступление от Белграда, и за крайне неумеренный образ жизни – пьянство и постоянную крупную игру в карты. И «тогда счастье оставило его, и он сошел с военного поприща».

Лифляндский крестьянин, служивший проводником Карлу XII под Нарвой. Гравюра XIX в. по шведской гравюре 1701 г.

Пользуясь покровительством австрийского императора Леопольда, Кроа явился в 1698 году в Амстердаме к Петру I. Император в рекомендательном письме называл его «храбрым, опытным генералом», просил «дозволения ему снискать новую славу под знаменами русскими». В тот же день Петр выезжал в Вену и объявил Кроа, чтобы он отправился в Россию.

Неизвестно, по какой причине герцог медлил с прибытием в Россию, но вскоре, забыв про свой договор с Петром, поступил на службу к польскому королю Августу II.

Битва под Нарвой 19 ноября 1700 г. Фрагмент голландской гравюры П. Шенка с оригинала Р. Гооге. В правой части гравюры представлен герцог де Кроа, просящий милости у шведского короля-победителя Карла XII. 1701 г.

В 1700 году герцог де Кроа приехал в Новгород как представитель Августа с заданием уговорить царя прислать королю в Ригу в помощь 20 тысяч человек. Петр I готовился в то время к Северной войне и, нуждаясь в опытных полководцах, задержал знакомого герцога. Напомнив Кроа о данном обещании русскому флагу, Петр велел ему отправляться к Нарве.

Нарвская катастрофа

Под Нарвой герцог неотлучно находился при Петре I. Рассказывают, что, когда царь вместе с новоприбывшим фельдмаршалом осматривали под выстрелами укрепления крепости, Кроа ехал верхом «в красном мундире с позументами: доказательство его неустрашимости». Только по убеждению Петра, Кроа согласился надеть старый плащ, чтобы не служить целью стрелкам.

Тем временем обстановка вокруг Нарвы накалялась. Шведский король Карл XII – «новый Александр Македонский», как писали о нем в Европе, – лихо, по-молодецки расправился с Данией, разбил под Ригой саксонцев, а затем с отборной одиннадцатитысячной армией двинулся к Нарве. Король желал преподать урок еще не опытным в батальном искусстве русским солдатам. А солдатухи эти, если не считать семеновцев, преображенцев и еще нескольких опытных полков, участвовавших в Азовском походе, то и дело гибли от разрывов собственных орудийных стволов: обсушить не то что отсыревший порох, но и свои собственные мундиры не умели и мерзли на октябрьской стуже при первых покровских морозах. В довершение всего царь покинул армию. По одной из версий, молодой Петр для усиления войска решил отъехать на тыловую базу в Новгород...

Карл XII. Литография XIX в. с портрета Крафта. 1717 г.

Как сообщают очевидцы, «семь посланных прибыли к герцогу с предложением явиться к царю. Кроа, как бы предчувствуя последствия, оставался в своей походной палатке». Наконец сам Петр пришел к нему и объявил о назначении его главнокомандующим. Герцог де Кроа был изумлен, он отказывался, «отговаривался недавним прибытием в армию и незнанием языка». Но с царем, увы, не поспоришь... Разумеется, знай он что произойдет через сутки, герцог был бы куда настойчивее. Но все опасения перевесила надежда, что сил и времени хватит, чтобы отосидеться за одними укреплениями и взять другие. Неслучайно представитель Августа при царе барон Лангет в тот же день написал: «Я надеюсь, что теперь, когда герцог де Кроа получил полную власть, дела у нас примут другой оборот, ибо у него кончились вино и водка. Лишенный свой стихии, он, вне всякого сомнения, удвоит усилия для того, чтобы прорваться к винным погребам коменданта». Несколько иного мнения о Кроа был историк Устрялов, писавший, что герцог только «до обеда был великим полководцем, но после стола делался столь откровенным, что каждый мог узнать его сокровеннейшие тайны».

...Российская армия под Нарвой насчитывала до 45-ти тысяч человек. Но, как говорится, искусство превозмогло силу. Тем более молодая, еще не сплоченная армия не знала иностранца Кроа, и он не знал войск. Бутурлин, оценивая факт передачи Петром командования армией, пишет, что «русские генералы, еще не привыкшие к строгой дисциплине, завидовали доверенности государя к иностранцу и не были расположены ему повиноваться».

Ревель. Гравюра на меди. 1721 г.

Этот драматический момент передачи власти под Нарвой историки позже назовут «загадкой Нарвского побоища». В самом деле, как мог царь в виду приближающегося шведского войска доверить командование над армией иностранцу, который почти не говорил и не писал по-русски. Как видно из документов, Петр собственноручно заполнял военные артикуляры за герцога. «Борис Петрович! – писал царь последние наставления генералу Шереметеву. – Приказал я ведать над войском и над вами арцуху ф.-Крою: извольте сие ведать и потому чинить как написано в статьях у него за моей рукою, и сему поверь».

...Сражение началось в 11 часов утра перестрелкой, продолжавшейся до 2 часов. Карл надеялся выманить русских в поле, однако те предпочли остаться за непрерывными земляными укреплениями и глубоким рвом в придачу... Карл приказал идти на штурм. Шведы методично двинулись вперед. Надо представить, какое воздействие оказывали они на необстрелянных новобранцев – шведские фигуры, выныривавшие, как привидения, из снежной мглы. Казалось, шведы заговоренные, их не берут ни пули, ни ядра.

После стремительной атаки противника, солдаты дивизии Головнина отошли назад. Не устояли и дворянские сотни Шереметева. Без боя, обгоняя друг друга, всадники в беспорядке устремились к реке. В холодных водах Нарвы утонуло около тысячи человек. Солдаты бежали с криками: «Немцы нас предали!», имея в виду иностранных новобранцев и самого главнокомандующего... Солдаты бежали, как стадо, перемешавшись с другими полками. Большая часть беглецов устремилась к мосту. Под тяжестью бегущих наплавной мост просел и разломился, сбросив десятки людей в ледяную воду.

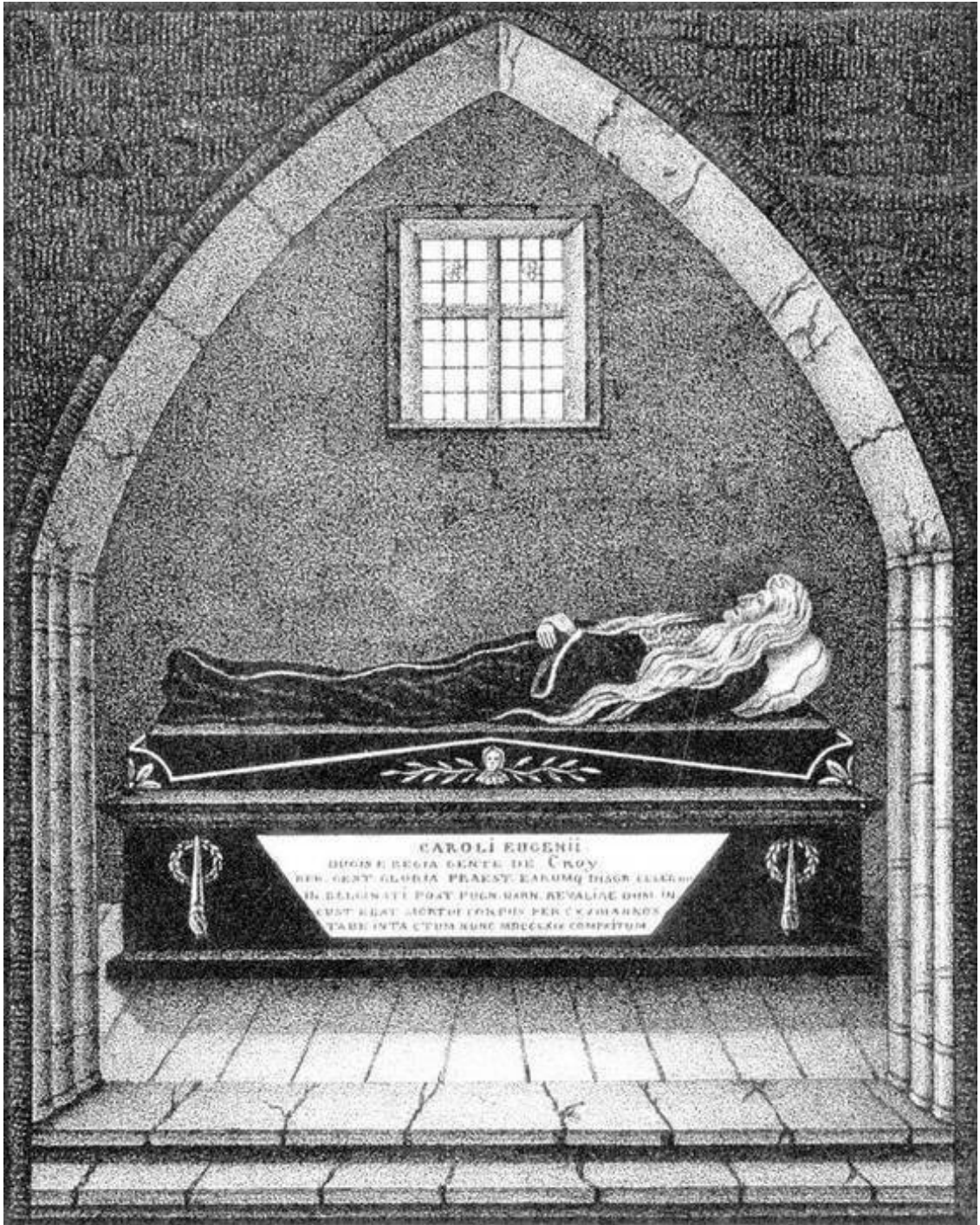
Кроа тщетно пытался остановить бегущую со всех ног армию, но войско ему не повиновалось. Более того: озверевшие солдаты обвинили иноземцев во всех несчастиях, убивая всех, кто попадался им под руку, в том числе офицерских слуг и даже жен. В сложившейся ситуации Кроа, посоветовавшись с генералом Аллартом, решил, что лучше сдаться в плен, чем пасть от рук разъяренных солдат. Со словами: «Пусть сам черт дерется с такими солдатами», – Кроа вместе с Аллартом сдался в плен... Говорят, что, оглядев своих знатных пленников, Карл XII язвительно заметил: «Из любви к брату, царю Петру, спасаю его славных генералов от солдатской ярости. В Нарве вам будет спокойнее и сытнее, чем при войске...»

Призрак церкви Нигулисте

Современники объявили Кроа изменником. Но насколько справедливы эти обвинения?.. Герцог не один положил оружие: с ним явился к Карлу XII и генерал Алларт, которого Петр I через пять лет поменяет на шведского генерала Горна. Тем более содержали Кроа, как опасного врага, в жестких арестантских условиях, под охраной офицера и двух солдат, безотлучно стоявших часовыми у дверей. После отправки в Ревель у Кроа было отобрано все имущество, и он испытывал острую материальную нужду. В московских архивах сохранились его письма из плена, в которых он умоляет прислать ему денег и доставить возможность оправдаться перед царем за Нарву. Уже по первому письму Петр приказал перевести пленному герцогу 6 тысяч рублей. Вряд ли царь стал заботиться о Кроа, если бы считал его изменником...

Через три месяца герцога освободили под честное слово. Бывший фельдмаршал быстро освоился в Ревеле, завел обширный круг знакомств среди местной знати. Перед ним открылись не только двери, но и кошельки ревельцев, а жить в долг герцог был истинный мастер. (Стоит сказать, что в 1753 году ревельский почтмейстер Гофман бил челом императрице Елизавете, что его дед разорился, давая займы деньги герцогу фон Кроа... Елизавете пришлось выдать памятивому эстонцу 3000 рублей...)

Ну а что наш герцог? Конечно, вырвавшись из тесной камеры, он много пил, играл в кости, долги его росли и росли. Все шло великолепно.

Тело герцога Карла де Кроа в церкви святого Николая (Нигулисте) в Ревеле. Художник Г. Криге. 1839 г.

...И вдруг – как гром среди ясного неба: 20 января 1702 года герцог внезапно умирает. Огорченные взаимодавцы собрались на совещание. Кто-то вспомнил, что, согласно, Любекскому праву ганзейских городов, ревельцы могут запретить похороны должника, пока не получат свои денежки сполна. Совещание постановило не отдавать тело мертвого герцога – единственный залог его больших долгов. Власти же проявили неожиданную уступчивость, боясь, видимо, крупных расходов на похороны, подобающие титулу герцога. Договорившись с магистратом, обманутые горожане положили свой «залог» в гроб и отнесли его на хранение в подвал в церкви Св. Николая.

Ручка от гроба герцога де Кроа. Автор благодарит Калмара Улма (Эстония) за предоставленную фотографию

...Рассказывают, что Петр I, узнав о смерти Кроа, произнес: «Сердечно жаль мне доброго старика: он был поистине умный и опытный полководец. Вверив ему команду 14 дней прежде, я бы не потерпел поражения под Нарвою». В то же время Петр приказал запросить Ревель о размере долгов Карла де Кроа. Однако что-то не срослось. Или, может быть, долги герцога просто оказались царю не по карману... Интересно, что, когда в 1710 году Ревель капитулировал перед русскими войсками, городской магистрат снова напомнил о долгах герцога Русской Военной Коллегии и о том, что «они еще не были тогда очищены».

А мумию герцога извлекли из подвала только через 120 лет. Что касается сохранности тела – ученые мужи объяснили этот феномен довольно прозаично: раствор, скрепляющий кладку церкви, содержал каменную соль, и вдобавок тело Кроа бы поставлено туда во время сильного январского мороза. Но у горожан была своя версия на этот счет... Они полагали, что Кроа сохранился благодаря крепким напиткам, которые покойный весьма ценил.

Как я уже упоминал, мумию герцога выставили в ревельской церкви на всеобщее обозрение, где она превратилась в своего рода редкостную достопримечательность. «Небольшая дверь ведет в капеллу, – писал один из путешественников в 1839 году. – Там лежит иссохший труп герцога де Кроа, сохранившийся более 130 лет. Близ дверей стоит дубовый гроб, в котором лежит его тело; лицо почернело и похоже на деревянный истукан, волосы еще видны над лбом, и на голове – парик. Из-под черной бархатной мантии выглядывают манжеты и рубашки, так же хорошо сохранившиеся, как жилистые руки и высохшее тело. На лицевой стороне катафалка видна следующая надпись: „Карл Евгений Герцог де Кроа, происходил от Королевской крови, родился в 1650 году в Бельгии, был славен, не столько своими великими деяниями, сколько разновидностью их. Взят в плен во время Нарвской битвы и умер в Ревеле в 1702 году. Труп его сохранялся 118 лет и вынут из могилы в 1819 году“».

Несмотря на то что показ вельможного чучела приносил церкви неплохой доход, в середине XIX века власти распорядились снова спрятать тело в подвал. К концу века сумма долга Кроа вместе с процентами достигла размеров астрономических. Но в январе 1897 года она

неожиданно была выплачена... Кем? Почему? Это навсегда останется загадкой Старого Таллина... А тело незадачливого полководца наконец похоронили по-христиански. Так закончились приключения Карла де Кроа, точнее его мумии, – 200 лет спустя после смерти.

Глава 3

Несостоявшаяся дуэль Петра Великого

Июнь 1707 года в польском местечке Якововичи близ Люблина выдался беспокойным. Здесь базировалась главная квартира русской армии, поджидавшей Карла XII. Согласно русским сведениям, шведский король вот-вот должен был подойти к Люблину с 40-тысячным войском. Обстоятельства осложнялись еще тем, что по всей Польше поползли слухи, что Петр I, находившийся здесь, намеревается посадить на польский трон своего сына Алексея. Чтобы успокоить поляков, царь даже отправил сына в Москву...

Однако вскоре новые слухи, которые пришли из Якововичей, повергли многих в недоумение: говорили, что во время дружеской попойки русские вельможи повздорили с прусским послом Георгом Иоганном фон Кейзерлингом; вытолкали его за двери, и более того, – сам царь вызвал его на дуэль! Это был неслыханный скандал в истории европейской дипломатии.

Слухи множились, но официально не подтверждались. Очевидно, дело, принявшее сразу серьезный оборот, засекретили. Правда, коллега Кейзерлинга, британский посол в России Чарльз Витворт, исправно доносил королевскому секретарю в Лондон: «Вы, полагаю, уже получили... полный отчет о несчастий, которое постигло Кейзерлинга в день св. Петра при большом празднестве, на котором он поссорился с князем Меншиковым. От слов дело дошло до побоев. С тех пор посланнику этому запрещено являться ко двору и к царю; он же, со своей стороны, послал нарочного к королю прусскому с известием о случившемся». Витворт при этом замечает, что первый повод к ссоре был «частного характера».

Действительно, прусский посол и князь Меншиков повздорили из-за дамы, на которую еще недавно имел виды Петр I. Речь шла о недавней фаворитке царя Анне Моне...

Ж.-Б. Удри. Петр I. Франция. 1717 г.

Событие, потрясшее дипломатический мир Европы, произошло на обыкновенной царской пирушке, на которую сам Кейзерлинг не имел никакого желания идти. Об этом сообщает депеша некоего высокопоставленного лица, адресованная королю Пруссии Фридриху I: «Вседержавный великий государь, августейший король повелитель! – сообщал неизвестный чиновник. – Не далее как четверть часа тому назад получил я с Люблинской почтой письмо [от] посла Кейзерлинга. Он пишет о том, как сильно опасается предстоящего большого пиршества, устраиваемого царем в день своего тезоименитства в Якубовицах, в полуверсте от города; опасается обычных при подобных пирах разгула и бесчинства, и как охотно откупился бы хоть

дорогой ценой, лишь бы не присутствовать на пиру; но быв приглашенным генерал-адъютантом его царского величества, он не мог отклонить приглашения, не подвергая себя опасности потерять всякое значение при том дворе».

(Любопытно, что последнюю мысль – о значении посла при русском дворе – разделял и датский дипломат Юст Юль. В 1710 году он записал в дневнике, что в России важнейшие дела решаются на царских пирушках и обязанность любого иностранного дипломата – там находиться.)

Но вернемся к депеше Кейзерлинга... В начале своего пространного документа посланник поведал монарху о девице Моне, которая «прежде была любовницей царя», а последние четыре года содержалась под домашним арестом. Он, Кейзерлинг, «вовлеченный в ее роковую судьбу», заступался за Анну, а теперь решил помочь и ее брату – устроить его на русскую службу. «Когда же я обратился к царю с моей просьбой, – продолжает дипломат, – царь, лукавым образом предупрежденный князем Меншиковым, отвечал сам, что он воспитывал девицу Моне для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет».

В этот момент Петр вышел из покоев, и в разговор вступил Меншиков. Он заявил, что «девица Моне действительно подлая женщина», с которой он сам развратничал столько же, сколько и Кейзерлинг. Прусский посол вспылил и, оттолкнув князя от себя, сказал: «Будь мы в другом месте, я доказал бы ему, что он поступает со мной не как честный человек, а как... (Бранное слово в подлиннике опущено – *Примечание переводчика XIX в.*). Тут я, вероятно, выхватил бы свою шпагу, но у меня ее отняли незаметно в толпе, а также удалили мою прислугу; это меня и взбесило и послужило к сильнейшей перебранке с князем Меншиковым. Вслед за тем я хотел было уйти, но находившаяся у дверей стража, ни под каким предлогом не выпускавшая никого из гостей, не пропустила и меня. Затем вошел его царское величество». Далее Кейзерлинг сообщает, что Петр и его фаворит набросились на посла с ругательствами и, протаскив к лестнице, спустили его вниз... В итоге оскорбленный посол был вынужден возвращаться домой «на кляче» своего лакея.

Князь А.Д. Меншиков. Немецкая гравюра. 1710 г.

После доклада о происшествии Кейзерлинг просит короля беспристрастно рассмотреть это дело, надеясь на его чрезвычайный ум и великодушие. «Клянусь Богом, – признается дипломат, – что все обстоятельства, изложенные мною, совершенно верны: все польские магнаты, бывшие на пиру, могут засвидетельствовать, что поведение и обращение мое были безукоризненны и что, несмотря на сильную попойку, я все время был трезв. Но, положим даже, – рассуждает посол, – что я был пьян (чего в действительности не было) и произвел какое-либо бесчинство, подвергать меня за это строгому аресту совершенно неуместно».

В конце своего послания Кейзерлинг просит короля как о великой милости – немедленно уволить его «от должности».

Эта депеша, направленная королю из Люблина, датирована 11-м июля 1707 года. Через пять дней Кейзерлинг, находясь, видимо, под домашним арестом, пишет королю еще более пространное послание. Посол объясняет это тем, что первый документ был составлен «с большой поспешностью», а теперь он хочет передать своему монарху новые подробности этой истории. Для нас вторая депеша особенно ценна: именно в ней открываются новые нюансы того памятного тезоименитства Петра Великого, которое чуть не окончилось дуэлью между царем и прусским посланником.

«Вседержавнейший, великий король!.. – обращается Кейзерлинг к своему монарху. – Надлежит, однако, обратить [ваше] внимание на следующие упущенные в этом деле обстоятельства: во-первых, князь Меншиков первый стал грубить мне непристойными словами... Во-вторых, когда несколько офицеров развели нас друг от друга, его царское величество (Петр I. – А. Е.) сам обратился к Меншикову со словами: «Ты всегда затеваешь то, чего сам не понимаешь, и я должен отвечать за все твои глупости, и потому советую тебе помириться с Кейзерлингом».

В последующих строках, адресованных Фридриху, Кейзерлинг переходит к новым подробностям этого праздника, которые принимают вовсе немыслимый характер...

«Вслед за сим его царское величество подошел ко мне в ярости и спросил, что я затеваю и не намерен ли я драться. Я отвечал, что сам я ничего не затеваю и драться не могу, потому что у меня отняли шпагу, но что если не получу желаемого удовлетворения от его царского величества, то готов драться с князем Меншиковым. Тогда царь с угрозой, что сам будет драться со мной, обнажил свою шпагу в одно время с князем Меншиковым: в эту минуту те, которые уже держали меня за руки, вытолкнули меня из дверей... и низвергли с трех больших каменных ступеней, и мало того, проводили толчками через весь двор, где я нашел своего лакея одного... Неслыханный позор, которому подвергся министр вашего королевского величества, – завершает свое письмо Кейзерлинг, – так велик, а нарушение международного права – есть преступление столь важное, что вызванный ими гнев вашего королевского величества будет совершенно основателен».

Этими событиями завершился праздник, устроенный Петром I в маленьком польском городке. Кейзерлингу тут же объявили, что вследствие его дурного поведения, которое он показал накануне, и поскольку обозвал Меншикова ругательным словом, и тем опозорил дом царя, он должен удалиться от русского двора. Кейзерлинг парировал, что не он первый начал нелепую ссору, и к тому же эта вспышка гнева произошла у него «под влиянием насильственно произведенного в нем охмеления». Посол также просил передать Петру I, что если он и погрешил против царского величества, то сильно об этом сокрушается...

Петр I. Миниатюра начала XVIII в.

По-видимому, Петр I и сам был не рад весьма скандальной истории.

Поэтому не удивительно, что вскоре в депешах Кейзерлинга появляются новые, более мягкие нотки: «Три дня тому назад, – доносит дипломат королю, – офицер царской службы подозвал к себе на многолюдной улице одного из моих слуг и сказал, что слышал, будто ссора наша прекращена, и царь меня удовлетворил богатым подарком».

Действительно, Петр вскоре нашел способ, как разрешить щекотливую ситуацию. Он провел свое расследование и признал виновными двух гвардейцев, столкнувших посла с лестницы. Гвардейцев приговорили к смертной казни. Правда, это был своего рода спектакль, срежиссированный самим царем. Кейзерлингу объяснили, что перед тем, как он получит аудиенцию у Петра I, он должен попросить помилования для этих двух «несчастных». А они, в свою очередь, явятся к нему в оковах и будут благодарить Кейзерлинга за дарование жизни.

«...Приговор был почти уже исполнен, – сообщает дипломат королю. – Русский поп уже дал преступникам свое наставление к принятию смерти, уже благословил их распятием, уже даны были им свечи в руки, глаза были повязаны... Потом, по моему требованию, они были освобождены от цепей и, по обычаю, угощены мною водкой, которую выпили во здравие вашего королевского величества (Фридриха I. – А. Е.) и его царского величества (Петра I. – А. Е.)».

Меншиков также участвовал в этом «спектакле». По словам Кейзерлинга, он встретил его на галерее – «честь, которую он едва ли оказывает другим иностранным министрам, даже при первом приеме их... Мы удалились в сторону к окну отдельной комнаты, – пишет дипломат, – и объяснились по поводу ссоры, происшедшей от неумеренной выпивки. По общему нашему соглашению, ссора эта не только будет предана забвению, но даже послужит в будущем к подкреплению нашего благорасположения и дружбы».

Неожиданно в покои вошел Петр, «по своей привычке безо всякой церемонии». Он обнял прусского дипломата и, не позволив вымолвить ему слова, сказал, что устал от подъема по лестнице, потому что чувствует себя еще очень неважно после болезни. Потом они прошли в глубь галереи, где Кейзерлинг стал благодарить царя за полное удовлетворение этого конфликта, а также принес свои извинения по поводу случившегося. Но Петр снова не дал послу говорить, сказав кратко по-немецки: «Сам Бог свидетель, как глубоко сожалею я о случившемся; но все мы были пьяны; теперь же, благодаря Бога, все прошло и улажено; я уже забыл о ссоре и пребываю благосклонно и с любовью преданный вам».

Таким образом, неприятности Кейзерлинга, которые он претерпел от русского двора, завершились самым милым образом. Впоследствии прусский дипломат не захотел воспользоваться полученным от короля разрешением выехать из России. Это и неудивительно: находиться в должности королевского посла в Санкт-Петербурге в начале XVIII века было очень престижно. К тому же Кейзерлинг не уехал, как он сам писал, «по личным соображениям». Под этими словами, несомненно, подразумевался его роман с Анной Моне, на которой он женился в июне 1711 года. Однако счастье с ней было недолгим: через полгода прусский посол скончался по дороге в Берлин. Когда составили опись имущества покойного, многие с удивлением отметили, что среди вещей Кейзерлинга была миниатюра Петра I, усыпанная бриллиантами, – та самая, которую царь пожаловал Анне Моне в эпоху их бурного романа...

Глава 4

Карл XII о Полтавском сражении

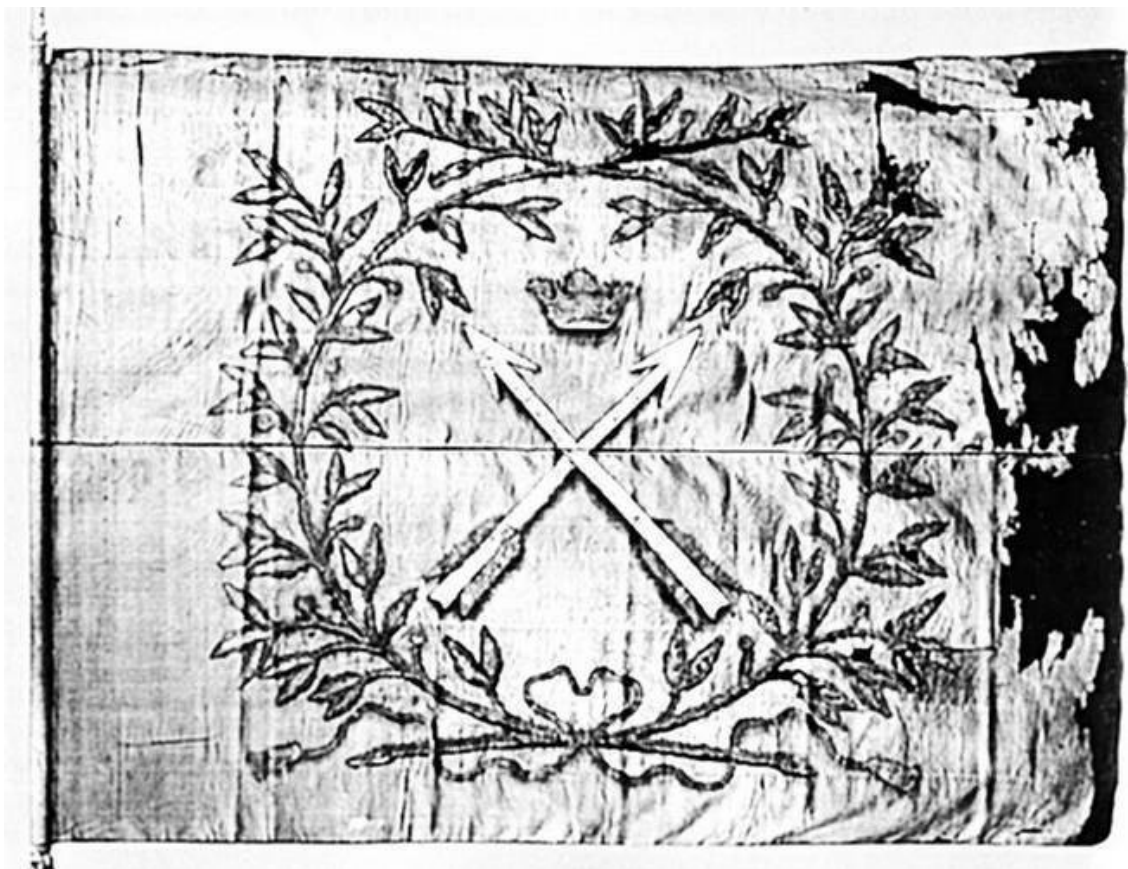
В Стокгольмском государственном архиве хранится любопытный документ, к нему, по всей видимости, еще не обращались историки петровской эпохи. Он представляет собой черновой подлинник первого официального извещения о Полтавской битве. Это письмо Карла XII, адресованное заседавшему в Стокгольме Правительственному совету, который в ходе Северной войны иногда именовался «Комиссией по обороне».

Письмо изобилует собственноручными поправками и дополнениями короля. На рукописи отмечено, что текст письма после оглашения его в Совете 7 сентября 1709 года разослали по всем губерниям Швеции и Финляндии. Таким образом, только через два месяца после полтавского разгрома шведские власти получили от своего монарха известие об этом драматическом событии. До этого письма в Швеции ходили только смутные слухи о катастрофе, постигшей Карла XII где-то на Западной Украине.

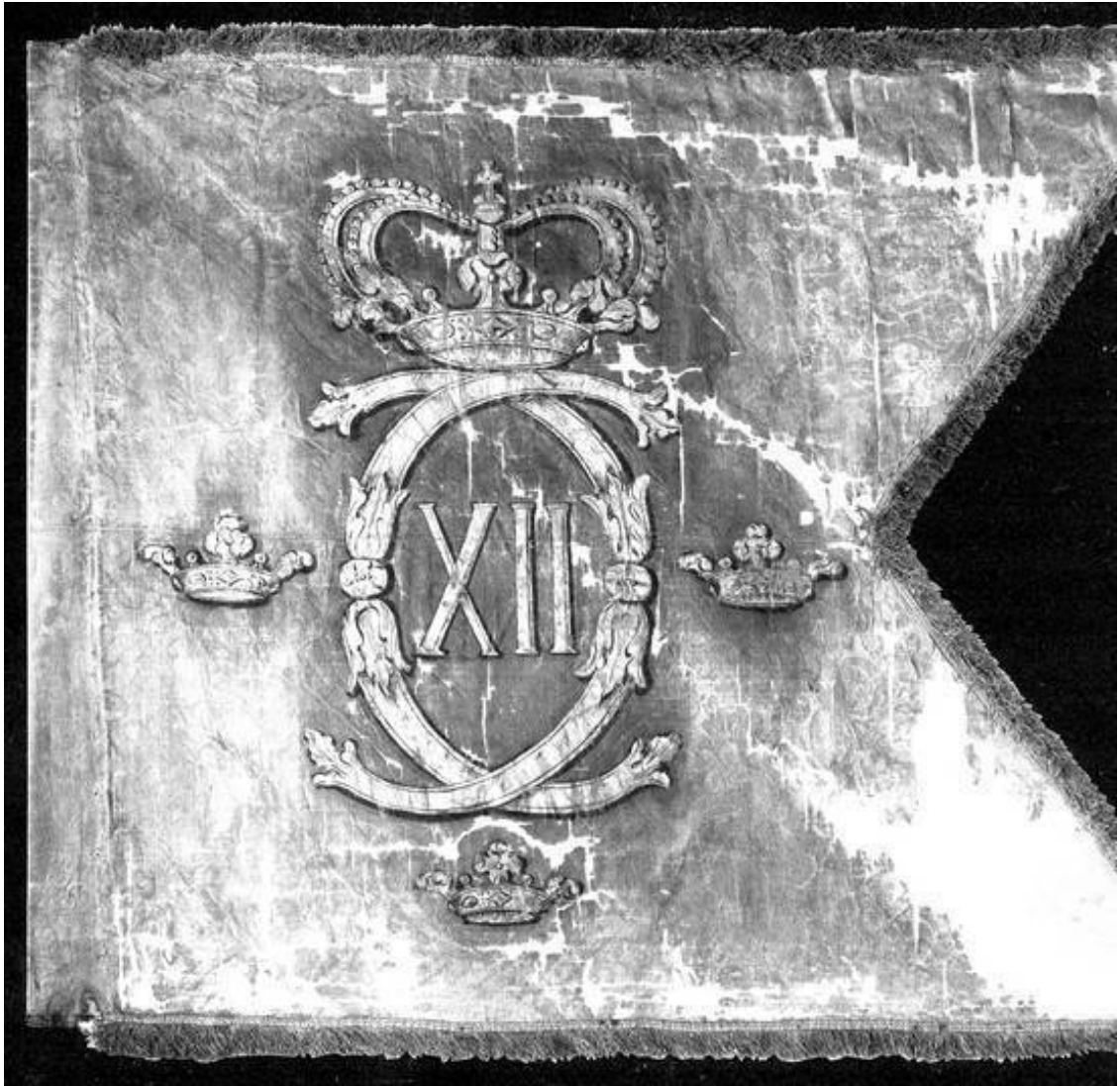
Вероятно, письмо было отправлено из какого-нибудь турецкого лагеря; ведь именно к туркам Карл бежал, проиграв свое главное в жизни сражение.

«Довольно долго мы уже не получали из Швеции никаких известий, да и не имели случая посылать писем сюда, – пишет король. – Между тем дела шли здесь (на Украине – А. Е.) хорошо, и все обстояло благополучно». Далее Карл XII самонадеянно рассказывает, что его войско одержало ряд побед над русскими и те якобы вот-вот должны были согласиться на все требования шведов. Но вскоре удача изменила последним. Карл пишет, что перед решающим боем он получил огнестрельную рану в ногу, не мог сидеть на лошади и делать необходимые распоряжения. С этого места король переходит к рассказу о полтавской катастрофе.

«28-го августа, – продолжает письмо Карл XII, – по несчастной случайности, шведское войско потерпело урон в сражении, что произошло вовсе не от храбрости или численного перевеса неприятеля, ибо он сначала был повсюду обращен в бегство, но самая местность и положение были так укреплены, что шведы чрез то понесли ущерб».

Знамя пехотного шведского полка образца 1686 г.

Шведский штандарт – трофей русской армии. Нач. XVIII в. Шелк, шитье

Интересно, что Карл связывает победу русских с той выбранной позицией, которую солдаты Петра I заняли накануне Полтавского сражения. Это согласуется с сообщением одного из приближенных короля, тот слышал, как шведский монарх, увидев построенное в боевом порядке войско русского царя, сказал: «Я не знал, что он (Петр I. – А. Е.) так удачно займет эту местность...». Но разве не в этом и состоит боевое искусство полководца – заблаговременно занять наиболее выгодную позицию, максимально используя природный ландшафт?

Однако вернемся к письму... Карл пишет, что, несмотря на то что его отряды везде атаковали и преследовали русских, большинство шведской пехоты было изрублено, а конница потерпела значительный урон. «Потеря весьма велика, – признается король, – но принимаются меры к тому, чтобы вследствие этого неприятель не получил перевеса и не приобрел малейшей выгоды».

После краткого известия о поражении под Полтавой Карл пытается поднять боевой дух своих подданных и сообщает, что еще не все потеряно. По мнению короля, крайне необходимо быстро восстановить военные силы, чтобы «отражать вредные замыслы и нападения неприятеля». Карл приказывает в спешном порядке набрать в Швеции рекрутов, которых следует снабдить оружием, одеждой, палатками, знаменами, «музыкой» и прочими военными принадлежностями.

Mein Leser siehe hier zwey grosse Potentaten
Kenst du sie nicht so lys nur ihre Thaten
Der Cz ar der zeigt genug von seiner Mächtigkeit
CAROLYS auch von seiner Tapfferkeit

Петр I и Карл XII. Немецкая гравюра. 1728 г.

Поскольку в Полтавском сражении особенно пострадала кавалерия, монарх желал, чтобы шведские крестьяне-мызники предоставили лошадей и вообще содержали конных солдат. Всем оставшимся в Швеции полкам, согласно письменному приказу Карла XII, надлежало быть готовыми по первому требованию отправиться в Россию. «Весьма важно не падать духом и не предаваться малодушному бездействию, – завершает письмо Карл, – [необходимо] напрягать все, чтобы поправить дело, дабы вскоре [привести] все к желаемому концу».

Петр I плачет о смерти Карла XII. Немецкая гравюра. 1841 г.

Как известно, мечтам шведского монарха о победе над Россией не суждено было сбыться. Полтавский бой переломил ход всей Северной войны, и маятник грядущей победы качнулся не в сторону Стокгольма. В 1718 году воевать с Россией уже стало некому: «последний варяг», как иногда называли Карла XII, был убит при штурме норвежской крепости Фредриксхаль.

А что же Петр Великий? Как свидетельствуют очевидцы, узнав о смерти своего давнего врага, царь с горечью произнес: «Ах, брат мой Карл, как мне тебя жаль!»... и приказал объявить траур по всей России.

Глава 5

«Обнажил шпагу в присутствии царя...»

Из-за этого случая датский посланник Юст Юль едва не покинул Россию.

Имя Юста Юля, датского посланника при дворе Петра Великого, занимает особое место в истории Петербурга. Его «Записки» о пребывании в российской столице в 1709–1710 годах поистине бесценны. Нигде более мы не найдем такого подробного описания русской жизни петровской эпохи, личности царя, его приближенных.

Бояре и князя вместо шутов

«Записки» Юста Юля не предназначались для публикации. Автор признавался, что фиксировал все стороны российской жизни – как хорошие, так и не очень. «Если бы я решился бы когда-нибудь публиковать свой дневник, – отмечал Юст Юль, – то выключил бы из него те места, в коих царь и его подданные рисуются в красках малопривлекательных». Правда, это было совершенно излишне: колоритная фигура царя Московии настолько увлекала Европу, что даже его самые отрицательные черты в глазах европейцев обрастали легендами...

Первым русским городом, в который попал Юст Юль, стала Нарва. С большим трудом, минуя шведский морской патруль, посланник датского короля Фредерика IV высадился на российский берег.

Едва посланник представился царю, как Петр осведомился, служил ли он на флоте. Услышав утвердительный ответ, монарх пригласил Юста Юля сесть возле себя и принялся говорить с ним по-голландски. «Царь немедля вступил со мною в такой дружеский разговор, – отмечает датчанин, – что, казалось, он был моим ровнею и знал меня много лет». Юст Юль с удивлением отмечает, что при царе не было ни канцлера, ни тайного советника, как подобает монарху, а только свита из 8–10 человек. Также посланника удивило, что Петр не вез с собой никаких путевых принадлежностей – «на чем есть, в чем пить и на чем спать. Было при нем, – продолжает дипломат, – только несколько бояр и князей, которых он держал в качестве шутов. Они орали, кричали, дудели, свистели, пели и курили в той самой комнате, где находился царь». По словам Юста Юля, монарх беседовал то с ним, то с какими-то офицерами, совершенно не обращая внимания на этих шутов, хотя последние «нередко обращались прямо к нему и кричали прямо в уши».

Нарва. Немецкая гравюра. 1710 г.

Несмотря на довольно суетливую обстановку, датчанин нарисовал живой портрет русского царя. «Царь очень высок ростом, – пишет Юст Юль, – он носит собственные короткие коричневые волосы и довольно большие усы, прост в одеянии и наружных приемах, но весьма проникателен и умен». Посланник отметил, что на царе был меч, снятый со шведского генерала Рейншильда в день Полтавской битвы.

Из Нарвы Юст Юль отправился в Петербург, где, не доезжая 15 верст до города, вместе с санями и лошадьми провалился в полынью. К огорчению дипломата намокшими оказались не только все его пожитки, но и королевские верительные грамоты, в которых сообщалось о его назначении посланником. Прежде чем явиться к царю, Юст Юль хотел было просушить свои драгоценные бумаги, но Петр заявил, что примет посланника и без верительных грамот – лишь бы тот скорее явился во дворец.

Петр I. Гравюра Д. Галаховского. 1709 г.

С этого дня Юст Юль окунулся в особенности петербургской дворцовой жизни. Он ведет ежедневный дневник, где подробно описывает все, что видит в российской столице: фейерверки, приемы у князя Меншикова, царские поездки на буере, спуск кораблей... Юсту Юлю пришлось быть свидетелем и уничтожения Ниеншанца – крепостного вала, который к концу 1709 года еще оставался от шведской крепости. Вероятно, провожая этот памятный для России год, Петр хотел избавиться от Ниеншанца как от олицетворения шведского владычества на берегах Невы. По свидетельству Юста Юля, крепостной вал был обложен ящиками, заключавшими в себе по 1000 фунтов пороха. Взрыв был так силен, что в центре Петербурга – за 5 верст от Ниеншанца – задрожали окна. Под самим посланником и находившимися рядом с местом взрыва людьми заколебалась земля, а на Неве потрескался лед.

«Поведение во хмелю»

Как истинному дипломату, Юсту Юлю приходилось быть постоянно в курсе всех политических событий, происходящих при русском дворе. Поэтому ему часто приходилось являться незванным на разные приемы. Только там ему удавалось «потолковать» с Петром I, «ибо в России пиры и обеды, – отмечает посланник, – самые удобные случаи для улаживания дел: тут, за стаканом вина, обсуждаются и решаются все вопросы».

Сам Юст Юль был невосприимчив к крепким напиткам и очень страдал от этого. Он даже ходатайствовал перед царем, чтобы тот не заставлял его пить много, ссылаясь на то, что его собственное «поведение во хмелю внушает ему (Юсту Юлю. – А. Е.) опасение». Но царь только посмеялся над этим. Тогда дипломат упал перед царем на колени, умоляя Петра хотя бы снизить непомерную для него «норму» до литра венгерского вина... Далее произошло то, чего посланник и представить себе не мог. «Царь тотчас упал на колени, – вспоминает Юст Юль, – говоря, что он так же хорошо и так же долго может простоять, как и я. После того ни один из нас не захотел встать первым, и, стоя друг перед другом на коленях, мы выпили по шести или семи больших стаканов вина; затем я поднялся на ноги полупьяный. Окончательного же решения на мою просьбу так и не последовало».

В июне 1710 года Юст Юль участвовал в морской экспедиции к Выборгу: царь хотел лично убедиться, насколько готова русская армия к штурму шведской крепости. У выборгского берега и произошла самая крупная неприятность в дипломатической карьере Юста Юля, из-за которой он едва не покинул Россию...

По случаю предстоящего штурма крепости на царском флагмане собрался весь российский генералитет. Как пишет датчанин, «такой великой и здоровой попойки и пьянства, как здесь, еще не бывало». Юст Юль пытался дважды покинуть корабль, но, когда он оказывался в шлюпке, в нее спускался царь и уводил посланника обратно в каюту. Петр даже приказал вахте при трапе, чтобы ни одна шлюпка не покидала корабль.

Во время еще одной попытки бегства Юст Юль был застигнут на палубе двумя офицерами. Когда последние хотели увести посланника в общество царя и стали довольно грубо отрывать его от поручней, датчанин, защищая свою дипломатическую неприкосновенность, выхватил шпагу из ножен... «Я никого не рубил, ни колотл ею, – поясняет Юст Юль в своем дневнике, – [я только] хотел их напугать. В этот момент, – продолжает он, – ко мне подошел царь, не в меру пьяный, как и я, и в грубых выражениях пригрозил пожаловаться на меня моему все милостивейшему королю за то, что я в его присутствии обнажил шпагу».

После этого инцидента у датского посланника забрали шпагу и отправили на другое судно – неслыханный случай в истории российской дипломатии!

Утром Юст Юль послал Петру свои извинения и вскоре получил приглашение явиться на флагманский корабль. Царь тепло принял посланника и заверил его, что поскольку вчера сам был под хмельком, то ничего не помнит и о случившемся знает только от других. Петр добавил, что от всего сердца прощает Юста Юля, но и сам просит у него прощения, если в чем-либо виноват перед ним.

Благодаря отходчивости Петра этот инцидент никак не отразился на дальнейшей карьере дипломата. Царь по-прежнему оставался расположен к Юсту Юлю и, расставаясь с ним после окончания его миссии в России, подарил посланнику свой портрет, украшенный алмазной короной.

Последний бой со шведами

Увы, дальнейшая судьба дипломата сложилась трагично. После возвращения из Петербурга Фредерик IV присвоил Юсту Юлю чин вице-адмирала и назначил его главнокомандующим морскими силами Дании. В 1715 году, сражаясь со шведами, Юст Юль был смертельно ранен на борту своего флагманского корабля. Заслуги воина и дипломата высоко оценила его Родина: Юст Юль покоится в кафедральном соборе Роскильда – древней усыпальнице датских королей. Пушечное ядро, поразившее вице-адмирала, до сих пор лежит у его надгробия. На стене – эпитафия на золоте на датском языке. Среди многочисленных заслуг великого сына Дании упоминается и «русский этап» в жизни Юста Юля: «В 1709–1711 годах был послан в Россию и оставил дневник своего пребывания [в ней]».

Глава 6

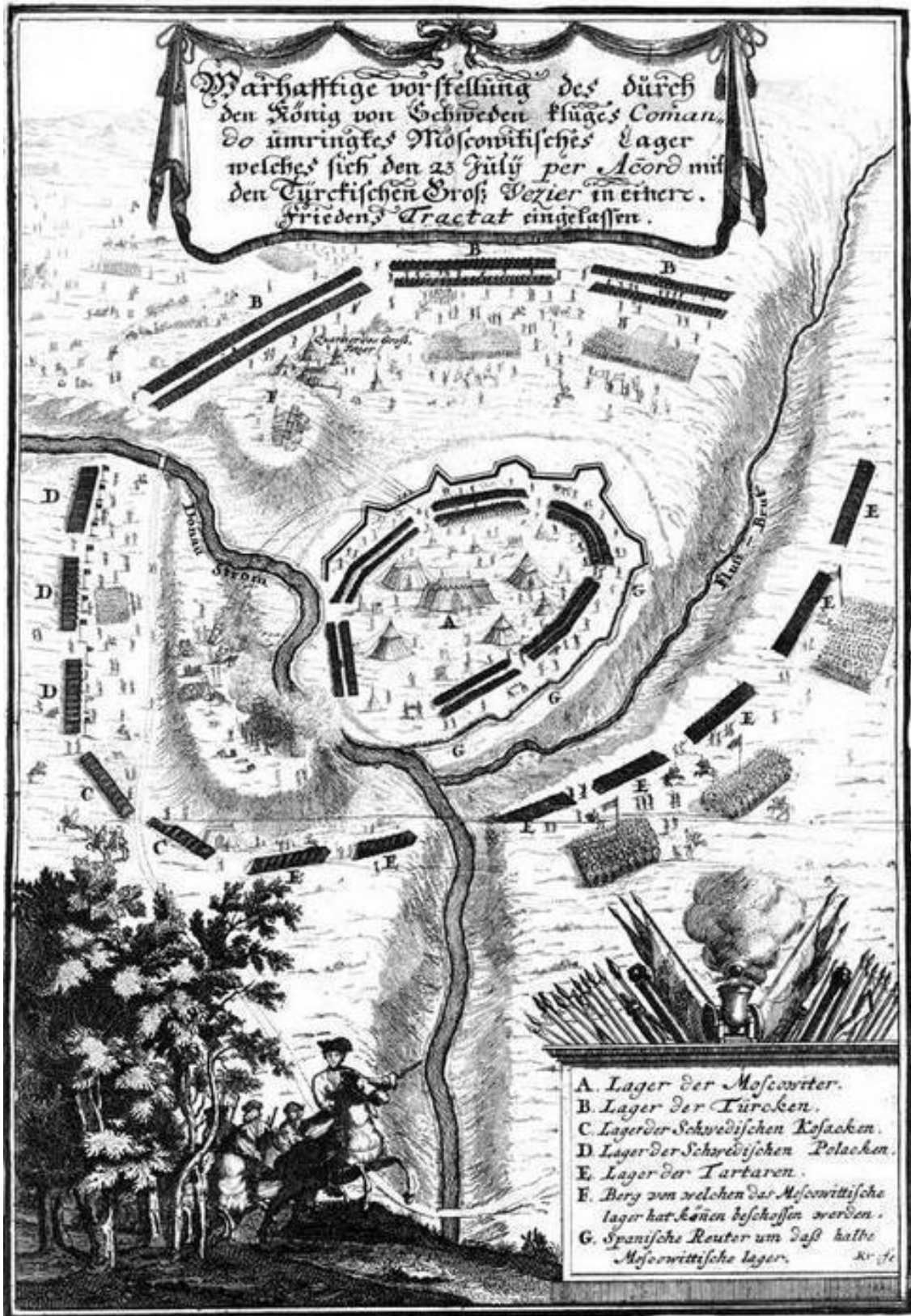
Завещание Петра с Прутских берегов

О подлинности этого документа, написанного в турецком окружении, историки спорят до сих пор.

Прутский поход Петра Великого против Турции, состоявшийся в 1711 году, – одна из самых мрачных страниц в российской истории. Русская армия, которой фактически командовал сам царь, была окружена многократно превосходившим ее турецким войском. В эти тревожные дни Россия могла лишиться одного из величайших своих государей, а судьба самой страны висела на волоске. Но каким образом русскую армию занесло в далекие молдавские земли, на берега реки Прут?

У Петра было несколько причин для русско-турецкой войны. Во-первых, царь настоятельно требовал, чтобы турки выслали бежавшего к ним после Полтавы шведского короля Карла XII. Во-вторых, сам Карл неоднократно подстрекал Турцию к войне с Россией. «Последний варяг» внушил великому визирю, что после победы над Швецией Россия «бросится» на Турцию. Неудивительно, что накануне 1711 года турецкие власти решили опередить «московитов» и фактически предъявили Петру I ультиматум, в котором содержалось требование сдачи захваченной ранее русскими крепости Азов. Здесь же прописывалось еще одно условие, которое должно было привести русского царя в самое мрачное настроение: турки требовали возвратить всю Лифляндию Карлу XII, а «Петербург разорить и срыть до основания» (!).

Петр стал готовиться к войне. В поисках союзников он даже составил специальную грамоту, адресованную всем христианским народам, подвластным Турции. «Турки растоптали нашу веру, – говорилось в грамоте, – хитростью овладели церквями и землями нашими... скольких они порабащают и отуречивают... Я иду к вам на помощь».

«Лагерь московитов», блокированный турецкой армией при р. Прут. Немецкая гравюра 1711 г.

Турецкие военачальники держат совет под Прутом. Гравюра из английского издания 1723 г.

Как свидетельствует молдавский гетман Иона Некульче, одну из главных ошибок Петр совершил, положившись на обещания балканских союзников: поляков, валахов, молдаван и сербов – предоставить свои военные силы. «Вверившись таким образом этим союзникам, – пишет Некульче, – они (т. е. русские) оставили в России лучшие войска и повредили успеху своего оружия».

Перед тем как перейти Днестр, Петр I созвал обширный военный совет для планирования дальнейших действий. Здесь мнения разделились. Немецкие генералы, находившиеся на службе у царя, предлагали оставаться на берегу Днестра, так как, во-первых, войско нуждалось в отдыхе, а, во-вторых, намерения турецкой армии были еще неизвестны. Вступив же в малонаселенную Молдавию, полагали они, войско царя столкнется с недостатком продовольствия...

Однако Петр согласился с мнением русского генералитета, ратовавшего за скорейшее продвижение в глубь Молдавии и встречу с неприятелем. Позднее участник Прутского похода француз Моро напишет, что «тот, кто завел Его Царское Величество в это [бедственное] положение, должен был быть величайшим безумцем всего света».

20-го июня 1711 года войско Петра перешло Днестр и вступило в молдавские владения. Стояла такая жара, что русские войска, и без того утомленные длительным быстрым переходом, не могли двигаться по знойным степям Бессарабии в течение дня и выступали в путь только после захода солнца. По словам Моро, едва русские достигли Прута, царь направил на собственных подводах людей с бочками для воды. Сосудов было мало и, чтобы набрать больше воды, солдаты выливали из них вино и мед. «Но сие пособие принесло им более вреда, чем пользы, – пишет очевидец. – Солдаты бросились пить с такой жадностью, что многие перемерли». Петровский генерал Алларт, шедший к Пруту другим маршрутом, отмечал, что «бедствия [русской] армии не поддаются описанию. Если судить по слышанным мною подробностям, в положении более отчаянном никогда еще не находилась ни одна армия». При переправе через Прут русские понесли первые потери. Желая потешить царя, один из шутов Петра I пустил свою лошадь вплавь, а сам встал на седло, начал плясать, поскользнулся, упал в реку и утонул. Это сочли дурным предзнаменованием.

Герой-посыльный, прибывший с Прута с секретным письмом в Сенат. Немецкая гравюра 1805 г.

В Яссах, столице Молдавии, войско Петра получило передышку. Царь удивил молдавских бояр своим любознательным и негордым поведением. По словам Некульче, Петр был высокого роста, с круглым, несколько смуглым лицом, которое отображало величие. «Он отличался от других монархов ненавистью к блеску и роскоши, – пишет о Петре гетман, – одеяние его было чрезвычайно просто. Он не окружал себя многочисленной свитой; два или три офицера были при нем для передачи приказаний».

Покинув Яссы, армия Петра последовала правым берегом Прута навстречу турецкому войску. Русские шли по бесплодной земле, опустошенной незадолго до этого саранчой. «У солдат было довольно денег, – сообщает Некульче, – но за недостатком продовольствия они впадали в болезни и умирали от голода».

8 июля 1711 года начались первые военные столкновения. Поскольку турки имели четырехкратный перевес в живой силе, Петр был вынужден удерживаться от наступательных действий, ограничиваясь лишь обороной лагеря. Моро пишет, что русская армия встала в прямоугольник, расположив в центре весь свой обоз: кареты, телеги, коляски и лошадей. Здесь же находились жены офицеров и их дети. С внешней стороны лагерь, чтобы обезопасить лагерь от турецкой конницы, выставили специальные заостренные рогатки.

Генерал Понятовский, воевавший на стороне турок, писал, что «янычары продолжали наступать [на русских], не ожидая приказов. Испуская дикие вопли и взывая, по своему обычаю, к богу многократными криками „алла“, „алла“, они бросались на неприятеля с саблями в руках». По свидетельству очевидцев, очень скоро верхние части рогаток были сбиты сабельными ударами, и русские ожидали, что турки вот-вот ворвутся в лагерь. 10 июля положение для русской армии стало критическим. Петр I позднее писал, что стрельба неприятеля час от часу «умножалась». Остаться в лагере означало умереть под пулями или от голодной смерти, так как «фураж» весь вышел. «...Но пришло до того, – заключает царь: – или выиграть, или умереть».

Екатерина I советует Петру заключить с турками мирный договор. Французская гравюра 1814 г.

Вероятно, в это время Петр и написал свое странное письмо-завещание, адресованное Сенату, о подлинности которого ученые спорят последние два столетия. Впервые оно было

опубликовано на немецком языке в 1785 году в Лейпциге, в книге Якова Штелина «Подлинные рассказы о Петре Великом». На мой взгляд, это письмо – самый загадочный документ во всей русской истории.

«Сим извещаю вам, что я со всем своим войском... в четырехкраты сильнейшею турецкою силою так окружен, – сообщалось в „письме с Прута“, – что все пути к получению провианта пресечены, и без особливия Божия помощи ничего иного представить не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны почитать меня своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы по собственноручному повелению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюсь между вами в лице своем. Но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники».

Перед этим текстом Яков Штелин поместил комментарий, где сообщил, что царь доверил свое секретное послание некоему офицеру, которому были известны все дороги в Молдавии. Офицер ухитрился пробраться сквозь турецкое окружение и на 9-й день прибыл с письмом в Петербург. (Последнее, несомненно, ошибка, так как в 1711 году Сенат находился в Москве). В конце XVIII века этот уникальный документ был обнаружен историком Михаилом Щербатовым, разбиравшим бумаги в Кабинете Петра Великого. Известно, что Щербатов показывал «многим знатым особам» подлинник этого письма, но затем реликвия странным образом исчезла. Быть может, этот документ кому-то показался опасным: ведь он потрясал основы престолонаследия.

...Завершение Прутского похода тоже овеяно легендами. Согласно одной из них, именно супруга царя – Екатерина I – настояла на мирном соглашении с турками, а самого великого визиря монархиня подкупила богатыми подарками, отдав ему все свои драгоценности.

Прутский мир дорого обошелся России, которая была вынуждена передать Турции крепость Азов. Но в целом Петр считал, что потеря Азова – ничто по сравнению с тем, что могло произойти с Россией, если бы визирь отверг предложение о мире. Известно, что, когда жена польского воеводы поздравила русского царя со счастливым избавлением от опасности, Петр ответил, что его счастье заключается лишь в том, что вместо сотни ударов, которые он мог получить под Прутом, ему дали только пятьдесят...

Глава 7

Как Петр I столицу переносил

Царя отговаривали от строительства Петербурга.

Последние годы – все как один юбилейные для петровской эпохи. Кажется, еще недавно мы праздновали 300-летие Полтавской битвы (1709); отмечали – хоть и не очень широко – 300 лет Прутскому походу Петра Великого (1711). Прошедший 2012 год тоже был, кстати, юбилейным: миновало 300 лет, как Петербург впервые получил столичные функции...

Шведы боялись наводнений

Для Петра Великого 1712-й год, в отличие от предыдущих военных кампаний, был довольно спокойным временем. Наверное, поэтому царь и занялся сугубо внутривластным делом: перенесением российской столицы из Москвы в Петербург.

Придавая строящемуся на Неве городу столичный статус, Петр преследовал две цели: во-первых, стремился уменьшить влияние старой московской боярской элиты. Во-вторых, обновленной России требовался морской форпост, который стал бы своеобразными «воротами» для торговли с европейскими странами. К тому же основание в устье Финского залива – практи-

чески на берегах Балтики – города-крепости имело в условиях Северной войны особое политическое значение.

Сейчас трудно поверить в то, что Петра в свое время пытались отговорить от строительства Петербурга в невиской дельте. Эта уникальная информация содержится в депешах польского посланника Иоганна Лефорта (1721 г.). Последний упоминает, что он общался с неким финским крестьянином, который в начале XVIII века служил «шпионом» у Петра Великого. «Государь, – говорил ему этот человек, – вы не должны строить здесь город. Рано или поздно если не сами вы, то наследники ваши расскаются в этом. Через каждые десять или по большей мере двадцать пять лет в этом месте бывают такие страшные наводнения, что после них не остается в целости ни одно строение... Вы также намерены построить порт в этих местах, но корабли ваши погниют в нем в скором времени».

Лефорт добавляет, что именно эта причина останавливала шведов от замысла заложить на Неве крупный город; в итоге скандинавы ограничились крепостью Ниеншанц.

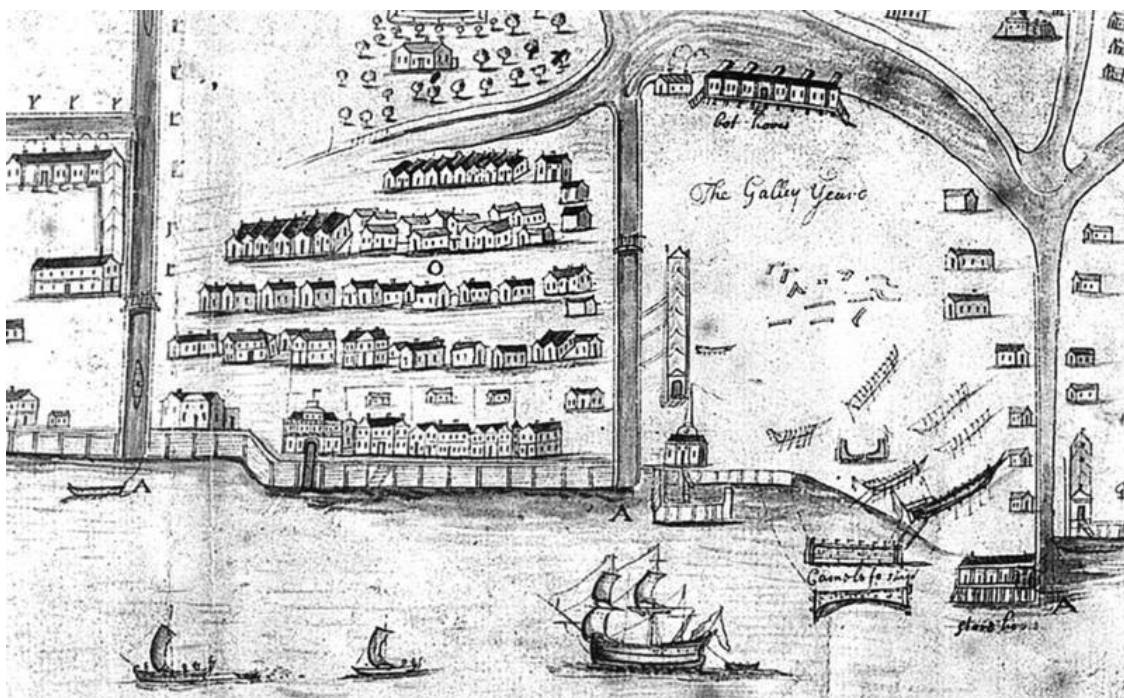
Однако, как известно, царь не внял советам, и город, которому предстояло стать новой российской столицей, был возведен на невиских берегах в кратчайшие сроки. Пожалел ли об этом впоследствии царь? По всей видимости, да. Во всяком случае, сохранилось его письмо 1720-х годов, где Петр высказался по этому поводу самым конкретным образом: «Ежели б мне принадлежал Ревель в 1702 году, то я основал бы свою резиденцию преображенной России не в низине Невы, а здесь...».

Вряд ли стоит сомневаться, что Ревель привлекал Петра именно как незамерзающий балтийский порт, а в остальном Петербург имел свои преимущества, главным из которых являлось его исключительно выгодное географическое положение. Так или иначе, но уже в 1710 году в Петербург потянулись из Москвы высшие чиновники и иностранные посольства. Царский двор окончательно переехал в город святого Петра несколько позже – в 1712 году. С этого времени Петербург ведет свой отсчет как новая столица России, хотя, следует признать, что ни одного указа относительно переноса столицы из Москвы пока не обнаружено. Да и были ли они?

Любопытно, что это грандиозное мероприятие состоялось до присоединения невиских земель к России по Ништадтскому мирному договору 1721 года. Таким образом, новая российская столица размещалась на территории, формально принадлежащей другому государству! Петра, кажется, мало заботило то обстоятельство, что шведские корабли постоянно маячили «у ворот» Санкт-Петербурга. 18 апреля 1712 года последовал царский указ о переселении из Москвы значительного количества жителей, которым предписывалось «строиться в Петербурге». В этом же документе Петр называл конкретные места по Неве, где должны были селиться бывшие москвичи.

Остров Котлин и Невское устье. Гравюра датируется концом XVII в. и ошибочно названа «Вид на Петербург...». Но, если судить по изображению, Петербурга еще нет и в помине, а флот, по всей видимости, шведский

План С.-Петербурга. Фрагмент. 1720-е гг. Библиотека Йельского университета (США)

Вероятно, эта дата – 18 апреля 1712 года, впервые зафиксированная в депеше британского посла Чарльза Витворта, и может считаться датой передачи Петербургу столичных функций. Кстати, сам посол удивлялся такому выбору русского монарха, сообщая в том же документе, что «Петербург по климату и положению представляет собою самое неприятное из когда-либо виденных мною мест».

Земля в Москве подешевела

Несомненно, большинство москвичей безрадостно восприняли указ о переселении на Неву. Но Петру, если так можно выразиться, «повезло»: менее чем через месяц – 13 мая – в Москве случился грандиозный пожар, в результате которого выгорела треть столицы. Витворт сообщает, что в Москве сгорело 15 тысяч домов, не считая придворных строений. В итоге московской элите ничего не оставалось делать, как собирать оставшиеся пожитки и переезжать за 600 верст в Петербург.

В 1715 году Петр издал очередной указ о переезде «партии» москвичей в новую столицу. Это повлекло за собой большие затраты на перемещение сюда архангельской торговли и в итоге спровоцировало большое недовольство значительной части купечества. Ганноверский резидент в Петербурге Ф.-Х. Вебер упоминает, что немецкие купцы, ведшие торговлю через Архангельск и Вологду, подали царю жалобу, в которой привели свои опасения относительно этой затеи царя. Во-первых, купцы замечали, что если они будут держать значительное количество торговых людей в Петербурге, «где все впятеро дороже, то не останется никакой прибыли, а последует лишь бесконечное разорение».

Во-вторых, немцы обращали внимание Петра на то, что почва в Петербурге настолько сырая, что пенька начинает гнить там уже через несколько месяцев, что также вводит их в убытки. В последнем пункте, поданном царю, купцы отмечали, что плавание по Финскому заливу крайне опасно... Какая на это была получена высочайшая резолюция – неизвестно. Скорее всего, Петр Алексеевич отправил ее в Сенат, где она и «застряла», затерявшись среди многочисленных жалоб на царские указы.

К 1716 году, по словам Вебера, самые знатные московские семейства переселились в Петербург. Некоторые из вынужденных переселенцев жаловались монарху, что подобная перемена жительства лишает их двух третей состояния, поскольку они должны строить в Петербурге дома и платить наличными деньгами за все, что прежде доставалось им с доходов от их московских имений.

Правда, многие из бояр так и остались в Москве. По словам Вебера, жизнь в ней «вполовину дешевле, нежели в Петербурге, где все чрезвычайно дорого. После того, как двор переехал в новую столицу, – сообщает резидент, – цена земли [в Москве] падает, и то, что прежде стоило 10 тысяч рублей, теперь продается лишь за четыре тысячи».

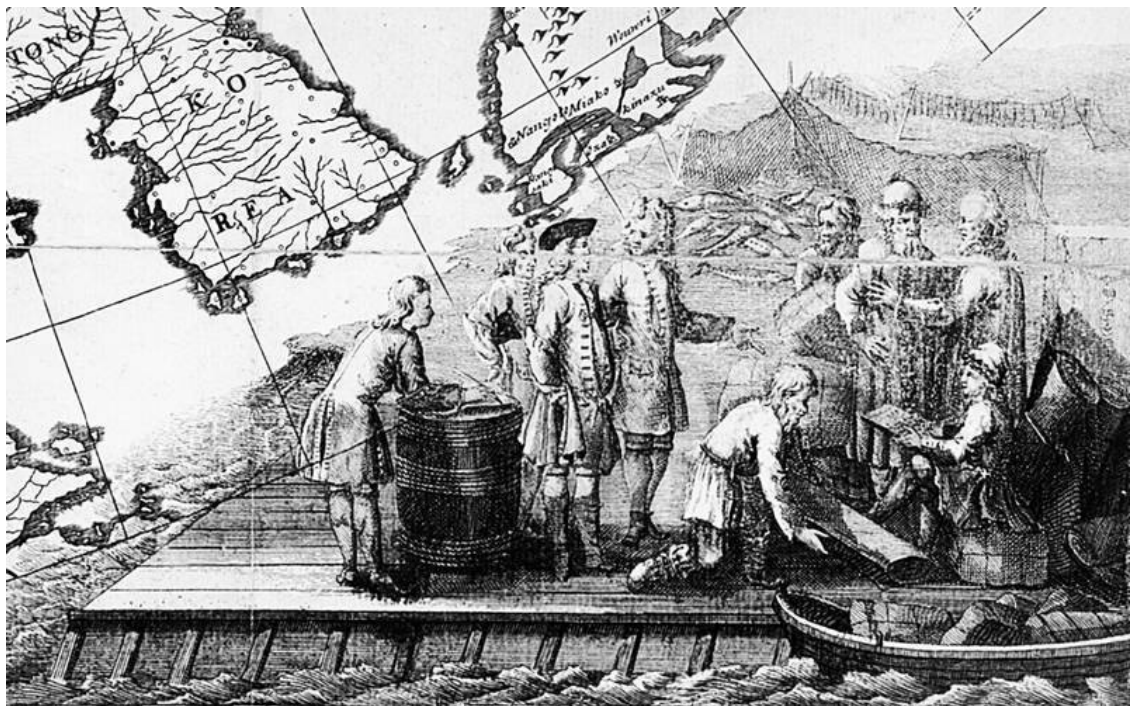
Странный гость из первопрестольной

Стоит отметить, что от переноса столицы в Петербург западные купцы пострадали не меньше коренных москвичей. Все началось с того, что Петр I предписал всем иностранным торговцам уплатить пошлины за последние три года в рейхстайлерах, которые царь приравнял к 50 копейкам, хотя, как свидетельствует Вебер, эта немецкая монета стоила «не менее восьмидесяти двух [копеек] и даже более того». По словам резидента, «сии купцы надеялись на то, что царь даст некую существенную скидку, приняв в соображение чрезмерные расходы и потери, понесенные ими в связи с перенесением торговли в Петербург. Однако их надежды были напрасны, – отмечает Вебер, – ибо [русский] двор потребовал уплаты сих долгов, угрожая военной силой и не предоставляя ни малейшей отсрочки; некоторые купцы оказались даже за решеткой».

Вскоре ни у кого уже не оставалось сомнений, что Петербург – новая столица Российской империи. К 1718 году относится окончательный переезд дипломатического корпуса на берега Невы. Правда, недовольные москвичи время от времени беспокоили царя. Например, британский посол в Петербурге Джеймс Джефферсон описывает случай, когда царя, переезжающего на санях через Неву, окликнул некий мужик. Неизвестный сообщил, что хотел бы перегово-

речь с царем с глазу на глаз, на что Петр заметил, что его окружают друзья, в присутствии которых можно говорить свободно. Однако странный собеседник настаивал на своем... Видя такое упорное желание говорить без свидетелей, царь вышел из саней и отошел с незнакомцем на несколько шагов от экипажа.

На вопрос Петра, откуда он и что желает сообщить, мужик отвечал, что приехал в Петербург спросить государя, «зачем он изволил совсем покинуть свою столицу Москву, которая совсем разорится вследствие его выезда». Царь стал расспрашивать мужика, почему это его так интересует и кто послал его в Петербург с подобными упреками, однако незнакомец не захотел ничего объяснять. Тем временем спутники Петра заметили, что встречный подозрительно держит левую руку за полой кафтана. Чтобы обезопасить монарха от возможного покушения, свита царя подошла поближе... Далее посол сообщает, что как только царь уехал, мужик был тотчас арестован, так как «полагали, что он подошел к Его Величеству с недобрыми намерениями». К сожалению, Джефферсон более к этому случаю не возвратился, и теперь можно только гадать, что же действительно привело в Петербург странного «гостя» и был ли он так опасен для царя... Возможно, крестьянина в самом деле подослал кто-то из старых московских бояр, желающих отомстить царю. Ведь переезд в Петербург разорил многих именитых москвичей. «Они ее терпеть не могут, – писал о новой российской столице французский министр Жак де Кампредон в 1721 году, – потому что жизнь вдали от их [московских] поместий для них и разорительна и ненавистна, по отсутствию тех старинных обычаев и прав, которые им дороже всего на свете».

Иноземные купцы в России. Фрагмент карты Российской империи 1734 г.

Петр, разумеется, знал об этих настроениях, витавших среди бывших московских сановников, но, по словам того же Вебера, «они не производили на царя никакого впечатления». Кажется, лишь однажды Петр дал волю своему гневу. Это произошло 30 мая 1719 года – в день рождения царя. Присутствуя на спуске 64-пушечного фрегата, Петр о чем-то беседовал со своими приближенными, пока неожиданно громко не произнес фразу, предназначенную как бы для всех собравшихся: «Знаю, что вы чувствуете отвращение к Петербургу и готовы

поджечь его и флот, как только я помру, и возвратиться в вашу любимую Москву, но пока я жив – не отпущу вас отсюда и не дам забыть, что я царь Петр Алексеевич!»

Глава 8

Город на востоке

Художники, никогда не бывавшие на берегах Невы, давали волю воображению.

Санкт-Петербург, возникший, словно птица феникс, на болотистых берегах Невы, изумлял иностранцев еще при отце-основателе города Петре Великом. Например, ганноверский резидент Фридрих Вебер отмечал, что если первоначально, в 1714 году, Петербург напоминал ему скопление деревень, подобно факториям в Ост-Индии, то уже через пять лет он назвал российскую столицу «истинным чудом света, как по великолепию его строений, так и по тому весьма недолгому времени, каковое потребовалось для их строительства».

Багдад у Финского залива

Неудивительно, что многие западные авторы, обращающиеся к теме Петербурга, хотели видеть в своих изданиях гравюры с изображением петровского «парадиза». Однако, если портреты русского царя были известны в Европе (а некоторые из них там и создавались), то сам город на Неве часто представляли в виде каких-то совсем уж фантастических изображений, и более походил он то ли на Константинополь, то ли на Багдад.

По всей видимости, граверы, никогда не бывавшие в российской столице, давали волю своему воображению. Для них Петербург был городом «на востоке», что, собственно, они и пытались изобразить. Что же касается издателей, последние не вмешивались в процесс: ведь книги, украшенные гравюрами, лучше расходились...

Петр I на фоне Кроншлота и Санкт-Петербурга. Немецкая гравюра 1734 г.

Как пример можно привести немецкую книгу, вышедшую в 1734 году во Франкфурте. В ней помещалась великолепная гравюра с Петром Великим, стоящим на фоне Кроншлота и Санкт-Петербурга. Сам царь довольно реалистично представлен в доспехах, обрамленных императорской горностаевой мантией, в короне и со скипетром в руке. Но форт Кроншлот напоминает не приневскую цитадель, а какую-нибудь мавританскую крепость на юге Испании. Единственное, что достоверно в этом изображении – своеобразный «надолб», который перекрывает фарватер. Известно, что в 1706 году, в связи с активизировавшимися близ Кронштадта шведами, царь приказал завалить камнями удобные подходы к берегу.

Наводнение в Петербурге и Кроншлоте в 1721 г. Фантастическая немецкая гравюра первой трети XVIII в.

Теперь обратимся к изображению Петербурга, выполненному справа от фигуры Петра; оно чрезвычайно любопытно. Кажется, за гладью Финского залива лежит не молодая европейская столица, жители которой исповедуют христианство, а крупный мусульманский город, окруженный крепостной стеной. Над ней поднимаются минареты с характерными полумесяцами... Вряд ли стоит сомневаться в том, что гравер просто использовал географический атлас, откуда перерисовал подходящее, на его взгляд, изображение «под Петербург».

Другая фантастическая, но тоже любопытная гравюра носит многозначительное название «Наводнение в Петербурге и Кроншлоте в 1777 году». В свое время она привлекла внимание ученых из Пулковской астрономической обсерватории В.И. Богданова и Т.Н. Маловой. Дело в том, что в разных западных изданиях эта немецкая гравюра датируется разными годами. В одних она упомянута как изображающая наводнение 1777 года, в других отнесена к ноябрьскому наводнению 1721 года. Последнее действительно имело место в Петербурге и было особенно опустошительным для молодого города. Например, французский посланник при русском дворе Анри де Лави отмечал, что это наводнение стало «самым ужасным» за всю петровскую эпоху. По его словам, после случившегося город потерял припасов более чем на 15 миллионов ливров (французская денежная единица до 1799 года). «Все галеры были выброшены на берег, – пишет посланник, – а два корабля попали даже в Царский [Летний] сад, который весь попортили».

Петр I в Амстердаме в составе Великого посольства. Рис. неизв. худ. 1697 г.

Упомянутые исследователи недавно убедительно доказали, что гравюра изображает именно это достопамятное наводнение 1721 года и относится к первой половине XVIII века. Наверное, этим обстоятельством и объясняется ее исключительная фантастичность. Автор не только никогда не бывал в Петербурге, но даже не понимал особенности географического положения города: гигантские горные цепи, изображенные на гравюре, теснят со всех сторон терпящий бедствие Петербург. Кажется, что город стоит не в невиской низине, а где-то в районе норвежских фьордов. Сам Петербург более походит на какой-нибудь средневековый Любек с его готической архитектурой и остроконечными костелами. В отличие от главного города,

Кроншлот изображен более достоверно. Гравер был явно знаком с работой П. Пикарта: уж больно похож силуэт петровского форта на работу знаменитого голландского мастера.

По парижской моде

В середине XIX века в Европе выходит целый ряд книг, посвященных истории России. Основное место в подобных изданиях занимает петровская эпоха и, естественно, Санкт-Петербург. Книги подробно украшены гравюрами, хотя стоит признать, что эти изображения лишены прежнего изящества и кажутся иногда торопливыми набросками, которые художник небрежно вывел перед тем, как откупорить бутылочку «Бордо». Не поэтому ли изображения выходили такими смешными, как, например, гравюра, опубликованная в одном из парижских изданий 1845 года?

Художник изобразил на ней Петра I, дающего указания двум архитекторам относительно строительства города. Довольно комичную фигуру царя «украшает» нелепая восточная сабля. Сами архитекторы, держащие план Петербурга, представлены в виде двух русских мужиков, подпоясанных кушаками. Очевидно, автор гравюры не знал, что план Петербурга на раннем этапе подносили царю не русские мужики «от сохи», а итальянский архитектор Доменико Трезини и французский инженер Ламбер де Герэн.

Петр I руководит строительством С.-Петербурга. Французская гравюра 1845 г.

Кстати, план Петербурга оставался строжайшей государственной тайной даже спустя пятнадцать лет после основания столицы. Например, уже упомянутый де Лави писал в своих депешах 1717 года, что он терпеливо «ухаживает» за Трезини и Леблонем, чтобы раздобыть план

Санкт-Петербурга... Поэтому вряд ли Петр I мог так свободно обсуждать план своего «парадиза», как это представлено на гравюре.

Царь и его собеседники стоят, надо полагать, в окружении руин Ниеншанца, который более похож на разрушенный римский Капитолий. Одна из колонн (!) шведской крепости поросла травой, на переднем плане художник демонстративно изобразил обгоревший кусок дерева: знак того, что штурм Ниеншанца был для русских непростым предприятием. За спиной царя белеет крепостная стена строящегося Петербурга. Правда, она больше напоминает багдадскую крепость из сказок «Тысячи и одной ночи». Кладку внимательно изучают некие люди, непохожие на каменщиков, но зато одетые по парижской моде 1840-х годов.

Наверное, Петр Великий возмущился бы, увидев себя и свое окружение под таким комическим углом зрения. Одно из преданий сохранило для нас сведение, что царь всегда внимательно и придирчиво рассматривал свои портреты... Однажды, будучи в Вологде, царь увидел в келье епископа Павла свой портрет, изображающий его во время Полтавского сражения. Петр похвалил картину, однако при этом заметил: «Тут только одна ошибка: у кафтана моего правая пола не была отогнута...»

Глава 9 **«Тюленевый» фонтан в Летнем саду**

При знакомстве с историей Летнего сада невольно обращаешь внимание, какое большое значение Петр I придавал фонтанам. Удивительно, но даже в самый разгар Северной войны царь не забывал о своих водометах и в письмах «с передовой» требовал, чтобы они строились «с поспешанием».

На «Дамской» площадке

Петр лично вникал во все тонкости этих гидротехнических сооружений, строительство которых в Летнем саду было сопряжено с большими трудностями: слабое течение Фонтанки, отсутствие мастеров фонтанного дела, нехватка облицовочного материала – кажется, все это только больше «заводило» царя, мечтавшего, по его словам, создать сад «не хуже, чем у Людовика в Версале».

К 1725 году Петр успел построить в своем «огороде» около тридцати фонтанов. При Елизавете Петровне водометы уже не возводились, а только «подновлялись». Золотая эпоха Екатерины II, как ни странно, стала закатом Летнего сада как «сада фонтанов»: разрушительное наводнение 1777 года и последующее невнимание императрицы к старым петровским водометам окончательно уничтожили феерические водные сооружения – фонтаны разобрали и засыпали.

Более двух веков Летний сад был лишен своего главного украшения, и только в процессе реконструкции 2009–2012 годов на прежних местах воссоздали восемь водометов. Это фонтаны «Царицын», «Коронный», «Гербовый», «Восьмигранный», «Пирамида», «Крестовый», фонтаны у Птичника и в Красном саду. Не все водометы сохранили свои исторические названия, однако они довольно определенно локализируются на своих исторических местах. Интересно, что в архивах встречаются и другие названия фонтанов, когда-то находившихся в Летнем саду. Один из таких загадочных водометов – «Тюленевый»...

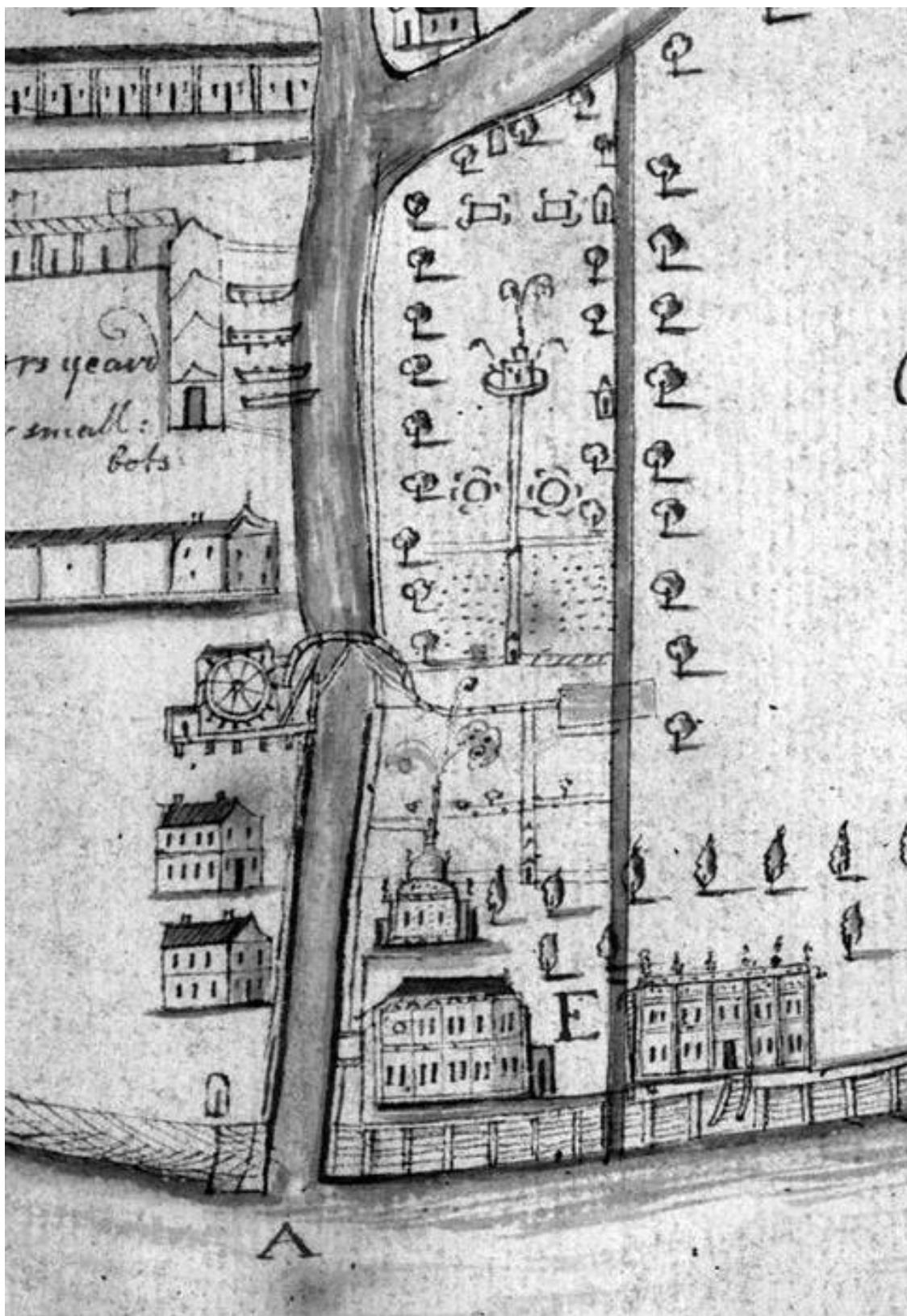

Петр I в Летнем саду. Гуашь А. Бенца. 1910 г.

Сейчас с достоверностью никто не может сказать, где находился этот водомет, названный в честь тюленя, плававшего в фонтанной чаше. В свое время археолог В.А. Коренцвит высказал предположение, что «Тюленевым» прежде назывался «Царицын» фонтан на первой площадке от Невы по Главной аллее, так как именно он имел достаточно глубокий и круглый бассейн (7,5 метров в диаметре), пригодный для содержания тюленя.

«Царицын» – название не историческое, хотя и «справедливое». Согласно запискам немецкого чиновника Берхгольца, посетившего Летний сад в 1721 году, у первого фонтана Екатерина I со своими дамами по обыкновению встречала гостей; поэтому первую площадку иногда называли «Дамской». Но мог ли фонтан, связанный с именем супруги Петра Великого, называться в XVIII веке «Тюленевым»?

Версия Виктора Коренцвита заслуживает внимания, так как действительно трудно «подобрать» в Летнем саду другой такой фонтан, где мог бы свободно плавать тюлень. Например, Гербовый фонтан – тоже крупный по площади – отпадает, так как он был девятиструйный и явно не подошел бы для млекопитающего, желающего свободно плавать в фонтанной чаше. Остальные водометы, меньшие по размеру или со сложными конфигурациями дна, тем более не подходят.

Летний сад и Летний дворец Петра I. Фрагмент плана Санкт-Петербурга 1721–1724 гг. Библиотека Йельского университета. Автор благодарит Абрахама Парриша (США) за возможность опубликовать этот документ

Археологические раскопки «Царицына» («Тюленевого»?) фонтана в Летнем саду. Фото А. Епатко. 2009 г.

В любом случае этот загадочный фонтан находился в так называемом первом Летнем саду. Так истари именуется часть сада, простирающаяся от Невской ограды до воссозданной ныне Малой оранжереи. На это указывает архивный документ 1744 года, в котором сообщается, что текущим летом следует исправить «в первом саду... фонтаны, называемой тюленевой». Стоит обратить внимание на то, что «Тюленевый» фонтан назван сразу после «осьмиугольного» (третья площадка от Невы) и после фонтана у Птичника. На мой взгляд, этого указания достаточно для того, чтобы локализовать «Тюленевый» водомет в северной части Летнего сада – ближе к Неве, что только подтверждает гипотезу Коренцвита. Таким образом, исследователь прав: «Тюленевый» фонтан – не что иное, как старое название фонтана «Царицын».

Дивные морские звери

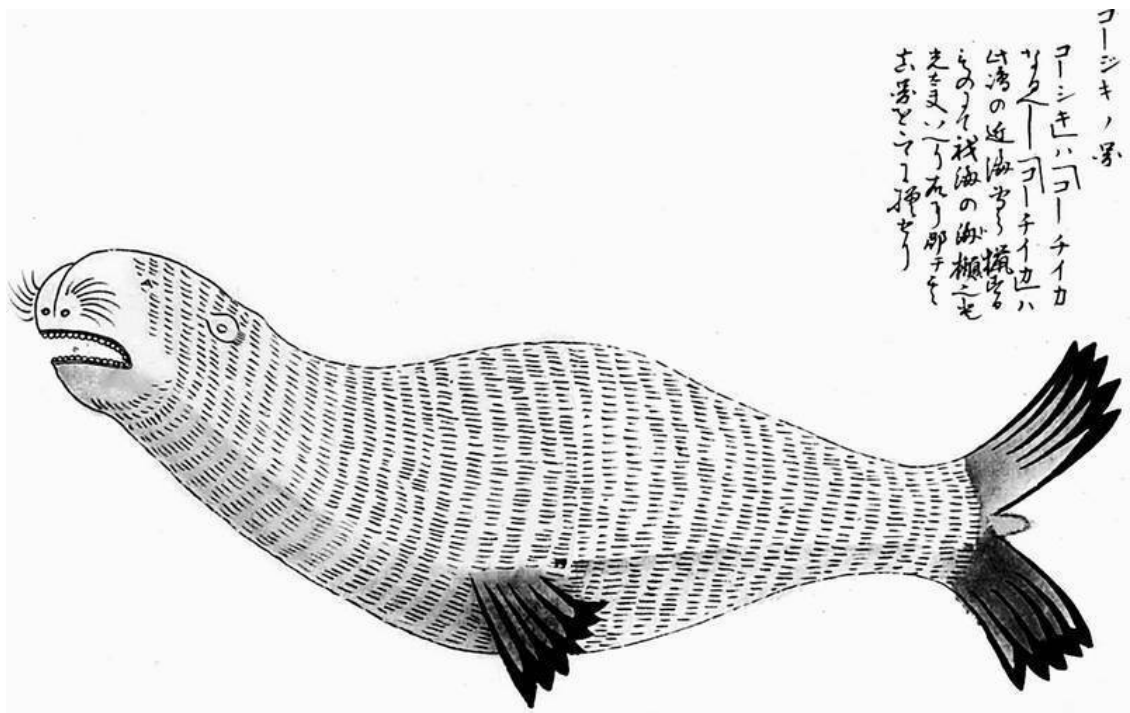
Еще один любопытный документ, который проливает свет на загадочный «Тюленевый» фонтан, поистине уникален. Это, вероятно, единственное частное письмо петровской эпохи, упоминающее Летний сад. Мне удалось его обнаружить в «Записках» украинского полковника Якова Марковича – современника Петра I. Сам Маркович никогда не был в Петербурге и, естественно, ничего не упоминает о Летнем саду. Но в конце «Записок» издатель XIX века счел нужным опубликовать письмо полкового лубенского писаря Стефана Савицкого, адресованное своему непосредственному начальнику, полковнику Марковичу. Письмо, отправленное из

Петербурга, датировано 5 июня 1718 года. Оно составлено на своеобразном малороссийском наречии, которое придает сочинению писаря неповторимый колорит.

«Мой добродей, пане Иаков», так начинает свое письмо Стефан. Далее он пишет, что «Царское Величество», то есть Петр I, возил украинских старшин на гулянье по Неве на шняве, которой сам лично управлял. При этом царь милостиво «трактовал» – беседовал с гостями.

Описывает Савицкий и 30 мая – день рождения царя. По его словам, в этот день праздника начались в Зимнем дворце, а затем Петр «водил сам до летнего двора ясневельможного и всех, кто только при его боку был». Под «ясневельможным», видимо, подразумевается князь Меншиков, который, судя по его «Повседневным запискам», действительно был в этот день в Летнем саду и праздновал вместе со всеми.

Царский сад поразил воображение украинского писаря. «Там в предивных своих огородах, – пишет с восторгом Савицкий, – все устроенные статуи, деревья и зелия розныя посаженные и дивно повырочуванные (выросшие. – А. Е.), також и фонтаны и в них плавающих дивных же морских зверей [царь] показувал... А сверх того изволил приказать, по всему огородку поставить столы и на них розныя вина и прочие ликворы... хто що изволит, чи венгерское, чи ренское, чи иншие, хочай наидорогие напитки». Неудивительно, что после столь продолжительного кутежа в Летнем саду, как свидетельствует Савицкий, не только «вышшие властелины», но и «хлопцы и молодики наши, упившись, аж в ночи оттуду одойшли».

Тюлень. Рисунок японского художника. 1805 г.

В этом документе нас более всего интересует упоминание о «плавающих дивных морских зверях». Несомненно, речь идет о тюленях, которых Петр показывал гостям, подводя их к одной из фонтанных чаш. Вряд ли стоит сомневаться, что это был тот самый «Тюленевый» фонтан...

Судя по письму, украинский писарь видел тюленей впервые: именно поэтому они и показались ему дивными морскими зверями. В фонтане же плавали ладожские нерпы – самый мелкий из подвидов кольчатых нерп. Если учесть, что ладожская нерпа – единственный представитель морских млекопитающих, живущий в условиях пресноводного озера, то можно понять,

почему именно этот тип животных подходил для фонтанов Летнего сада: ведь к водометам подавалась пресная вода, текущая по Лиговскому каналу из Дудергофского озера.

С оказией из монастыря

Каким же образом в Летний сад доставляли тюленей? Ответ на этот, казалось бы, непростой вопрос дает камер-фурьерский журнал Екатерины I. В нем сообщается, что 30 июля 1726 года императрица гуляла после обеда по своему «огороду» вместе с дочерьми и «изволила посмотреть тюленя большого, которого тогда же привезли из Невского монастыря».

Благодаря этому источнику мы узнаем, что тюлени находились в фонтане царского сада и после смерти Петра I. Но самое любопытное – «происхождение» тюленей. По всей видимости, Александро-Невский монастырь имел на Ладожском озере рыболовные тони, которые время от времени «поставляли» живых тюленей в Петербург. Сначала они попадали в монастырь (там, кстати, тоже были фонтаны), а оттуда уже – в Летний сад. В саду млекопитающих помещали в «Тюленевый фонтан», где они, на радость публике, символизировали морскую стихию. Можно представить, как царские гости, столпившиеся вокруг водомета, весело обсуждали тюленей; последние ныряли, фыркали, снова погружались в воду и, сделав несколько кругов вокруг туфовой горки, неожиданно показывались на поверхности... Надо думать, это было увлекательное зрелище!

Однако, возможно, одним созерцанием этих животных дело не ограничивалось и потехи ради захмелевших гостей окунали прямо в «Тюленевый» фонтан. По крайней мере, подобную ситуацию описал английский купец Томас Хет, наблюдавший развлечения Петра I в 1702 году в Архангельске: «Он (царь. – А. Е.) большой почитатель таких грубых людей, как моряки, – писал Хет своему брату в Лондон. – Всех грязных матросов он пригласил отобедать с ним, где их так напоил, что многие не устояли на ногах, иные плясали, а другие дрались – и среди них царь. Такие компании доставляют ему большое удовлетворение. Царь загнал 30–40 человек из знати, старых и молодых, в крошечное озеро, в которое запустил двух живых моржей; затем присоединился к ним сам. Компания была очень напугана, но все остались невредимы. Никто из них не посмел жаловаться на все его проказы, так как он принимал в них деятельное участие».

Глава 10

Шаровая молния в Летнем дворце Петра Великого

В последнее время заметно оживился интерес исследователей к Летнему дворцу Петра I. Это неудивительно: в этом году исполнилось три века со дня закладки любимой резиденции великого монарха, до сих пор украшающей Летний сад. Но помимо наступившего юбилея, дворец Петра привлекает внимание своей загадочностью. История строительства «Летнего дома» – как чаще именовали дворец в петровскую эпоху – до сих пор остается туманной. В свое время были высказаны предположения, что в основу дворца легли «хоромы» шведского ротмистра Коноу, усадьба которого располагалась на месте Летнего сада в XVII веке.

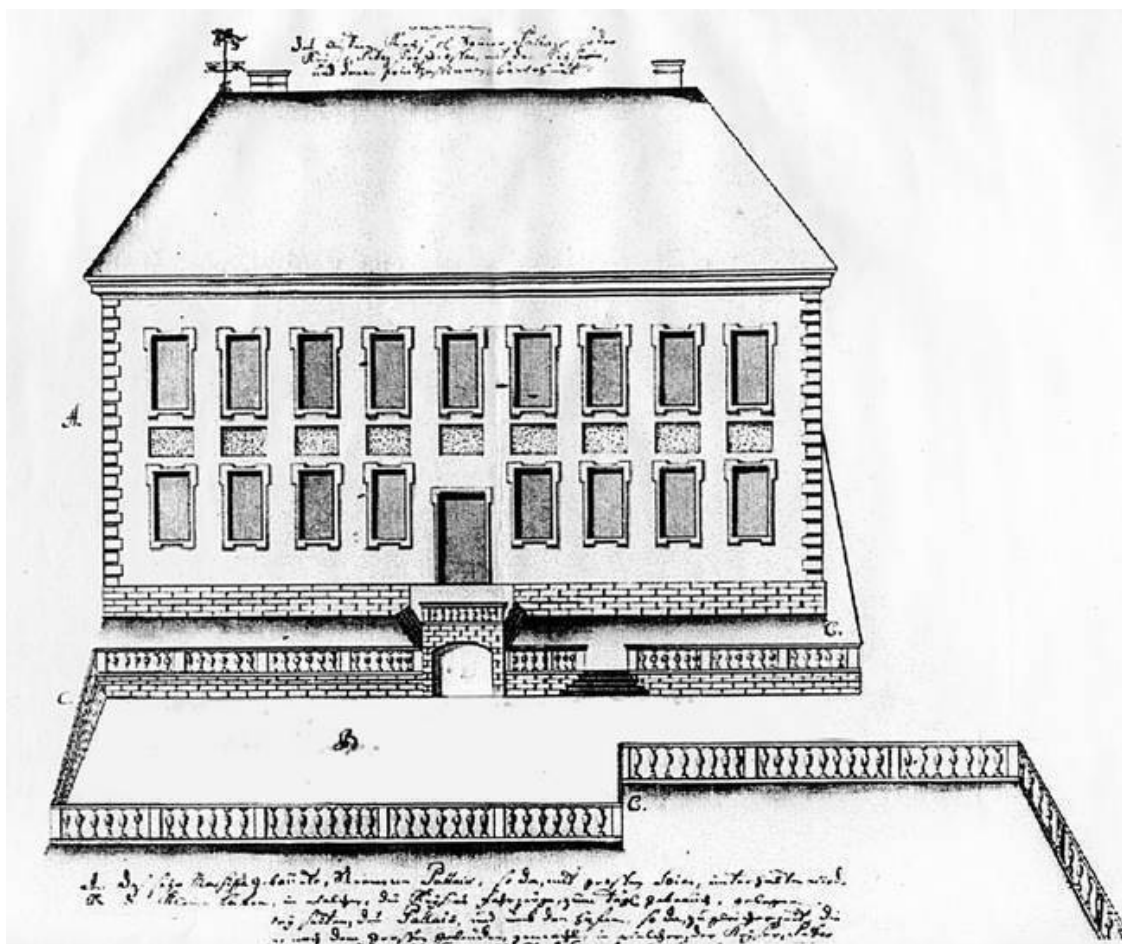
Также недавно на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» один из исследователей и вовсе приписал авторство Летнего дворца (да и всего сада) Петру I. Действительно, трудно найти в нашем городе более «спорное» здание, чем петровский дворец в Летнем саду. Отчасти это можно объяснить тем, что на сегодняшний день не известно ни одной описи дворца, относящейся к XVIII веку. Мемуары иностранцев, посещавших Летний сад в эту эпоху, странным образом «обходят» своим вниманием резиденцию русского монарха. Именно поэтому многие

помещения дворца носят довольно условные названия: «Танцевальная», «Тронная», «Кабинет», «Зеленая комната», «Фрейлинская», «Приемная»...

Однако есть один любопытный источник петровской эпохи, который может частично восстановить этот пробел. Речь идет о «Повседневных записках князя А.Д. Меншикова», которые вели секретари его канцелярии. Чиновники ежедневно фиксировали почти каждый шаг «светлейшего», а особенно – «какие правления чинил и где был [князь]»¹. Любопытна судьба этих бесценных документов. После ссылки Меншикова его «Повседневные записки», можно сказать, тоже были «арестованы» – хранились в Верховном Совете, затем – в Сенате.

В середине XVIII века их перевезли в Московский архив коллегии иностранных дел. А спустя сто лет княжеские бумаги обнаружили в Российском государственном архиве древних актов.

Что касается «Повседневных записок», до нашего времени дошло семь книг «Юрнала» (Журнала) Меншикова за 1716–1720 и 1726–1727 годы. До недавнего времени «Записки» не публиковались. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что к упомянутым документам исследователи петровской эпохи практически не обращались.

Южный фасад Летнего дворца с Гаванцем (Стокгольм. Коллекция Ф. Берхгольца). 1710-е гг.

¹ РГАДА. Ф. 11. Д. 53. Ч. VII. Л. 1.

Князь А.Д. Меншиков. Немецкая гравюра 1728 г.

Между тем «Журналы» князя дают нам много любопытной информации, касающейся Летнего дворца Петра I. Например, под 1719 годом сообщается, что в день смерти царевича Петра Петровича Меншиков оставался ночевать во дворце в токарне. Из «Журнала» князя

мы узнаем, что одна из комнат Летнего дворца именовалась *дежурной генерал-адъютантской палатой*. В ней покорно сидел Меншиков, ожидая, когда «Ее императорское величество (Екатерина I. – А. Е.) от опочиванья встать изволит»².

Упоминается в «Записках» и *деревянная зала*, где князь «распределял» резную посуду: 5 сентября 1726 года в этой зале был дан обед, где восседали Екатерина I, князь Меншиков, генерал Чернышев и «полковник от фортификации Трезин[и]»³. Несомненно, что на обеде присутствовали и другие, менее знатные лица, так как сообщается, что гости разместились за пятью столами. В зале играла «немалая музыка», а с яхты стреляли из пушек.

Но самую подробную информацию, касающуюся дворца, мы встречаем в «Журнале» 1716 года. Это был период, когда Петр I находился в заграничной поездке, а Меншиков был фактически единоличным правителем России. Как следует из «Журнала», в отсутствие царя он часто бывал в Летнем дворце. Здесь и застало Меншикова «небывалое происшествие», о котором я хочу рассказать. Оно настолько поразило секретаря князя Меншикова, что тот счел необходимым упомянуть о нем в «Повседневных записках». Эта запись, датируемая 19 июня, ценна уже тем, что впервые раскрывает повседневный быт обитателей дворца Петра Великого. Речь идет о страшной грозе, пронесшейся над Летним садом и повредившей дворец русского царя.

---

² Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М., 2004. С. 455.

³ Труды и дни. С. 488.

Дымоход на крыше Летнего дворца Петра I. Фото А. Епатко. 2010 г.

Изразцовая печь в Летнем дворце. Фото А. Епатко. 2010 г.

«Июня в 19-й день в 1-м часу пополудни, – сообщается в „Журнале“, – в Летнем его царского величества дворце в палатах от бывшего зело страшного грома повредило, а имянно:

Кровлю в 6 местах близ трубы, которая над спальнею государыни царевны Елизаветы пробило, у той трубы угол отбило.

В спальне государыни царевны Елизавет Петровны потолка на пол-аршина отбило. В верхних сенцах, где Маргарит Петровна опочивала (дочь Петра I, умершая в 1715 году. – А. Е.), гзымс⁴ отбило на четверть.

Портрет дочерей Петра I, царевен Анны и Елизаветы. Худ. Л. Каравакк. 1717 г.

---

⁴ Карниз. Заимствовано из польск. *Gzyms* или нем. *Gesims* – карниз.

Дворец Петра I в Летнем саду. Худ. А. Мартынов. 1809—1810-е гг.

На деснице верхней стену и против той десницы стену ж местами отбило. В палате, в которой изволила государыня царица убиратца, у акошка несколько плиток отбило.

Затем осталось только нераненых целых полат та, в которой изволил царевич государь жить (годовалый Павел Петрович. – А. Е.), да другая столовая»⁵.

Судя по «Записке», Меншиков во время «грома» находился в комнате шестилетней Елизаветы Петровны. При ударе молнии «царевну с кроватью, а его светлость (князя. – А. Е.

---

⁵ Труды и дни. С. 48.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.